

[Polaris]

Виктор Форбэн

СЫНЫ

СОЛНЦА

В дали времен

Том XI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХСІ

Salamandra P.V.V.

**Виктор
ФОРБЭН**

СЫНЫ СОЛНЦА

В дали времен
Том XI

Salamandra P.V.V.

Форбэн В.

Сыны Солнца: Роман. Пер. с фр. А. П. Зельдович (В дали времен. Том XI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 136 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXCI).

Роман «Сыны Солнца» посвящен странной судьбе изгоя-кроманьонца, который изобрел охотничий лук и стал божеством дикарей и спасителем своего народа.

Книга принадлежит перу французского писателя, переводчика, путешественника и популяризатора науки В. Форбэна (1864-1947), автора ряда научно-фантастических и приключенческих романов и сотен научно-популярных статей и очерков.

ВИКТОР ФОРБЭН

СЫНЫ СОЛНЦА

РОМАН

КНИГА

СЫНЫ СОЛНЦА

Глава I

На охоту

Жрец, с обвитой вокруг лба повязкой из змеиной кожи, указывавшей на его сан, заканчивал раздачу амулетов охотникам на мамонтов. Эти гиганты, оправив предварительно бизонью шкуру, прикрепленную на плече костяной застежкой, по очереди подходили к жрецу и почтительно склоняли перед ним свои лохматые головы. Получив просверленный львиный или медвежий зуб с вырезанными на одной стороне магическими изображениями, охотник нанизывал его на заранее приготовленный конский волос и вешал себе на шею.

Бледное солнце последних зимних дней едва пробивалось сквозь поднимавшийся над долиной густой туман и слабо освещало очертания холмов.

Собравшиеся у пещер женщины, старики и дети, одетые в оленьи шкуры, лишь слабо прикрывавшие их наготу, дрожали от холода. Но глаза их радостно сверкали. И недаром. Скоро у них будет изобилие мяса и настанет конец тяжело-му зимнему недоеданию. Они с жадностью заранее представляли себе громадные кости мамонта, которые расколуются под ударами кремневых молотов. Слюнки текли при мысли о мозгах, которыми можно будет наестся до отвала.

Юло, красивый, высокий воин, запоздавший к раздаче охотничьих талисманов, подвешивал на шею, прикрытую густой светлой бородой, полученный им медвежий зуб. Ловко повернувшись на голой пятке, он бросил взгляд на пещеру, находившуюся шагах в тридцати от него; охваченный внезапной потребностью двигаться, действовать после вынужденного спокойствия во время церемонии, он, не сходя с места, сделал головокружительный прыжок, испуская звонкое «юлу-у-у», подражая вою волков.

Молодая девушка, одетая теплее и наряднее своих подруг, отделилась от толпы, собравшейся у входа в одну из пе-

щер. Обернутая вокруг бедер шкура лани покрывала ее ноги, а на плечи был накинута олений плащ.

— Лиласитэ, моя маленькая голубка, — издали приветствовал молодую девушку Юло раскатами своего громового голоса.

В нескольких шагах от пещеры, прислонившись к стволу засохшего дерева, стоял безусый юноша, ростом на целую голову ниже Юло. Взгляд его задумчиво следил за сновавшими взад и вперед охотниками.

Все продолжая подпрыгивать, рослый красавец-воин последним прыжком как бы нечаянно обрушился на юношу.

— Грубое животное! — воскликнул тот, выведенный из задумчивости резким толчком.

Видя, что он уцепился за дерево, чтобы не упасть, Юло расхохотался, обеими руками схватил юношу в охапку и с необычайной ловкостью приподнял его над землей.

— Да что ты, Минати! Стоит ли сердиться из-за такого пустякового толчка?

— Оставь меня! — проворчал юноша, тщетно пытаясь вырваться из мощных объятий Юло.

Смех женщин, выводивший из себя юношу, льстил самолюбию Юло, отпустившего, наконец, свою жертву с наставлением:

— Советую тебе, Дрожащий Камыш, в следующий раз не говорить дерзостей Волку. Если бы Волк был грубым животным, он бы тебя раздавил своими лапами, как улитку.

— Ха!.. ха!.. ха!.. как улитку, — покатывались со смеху женщины.

— Эй вы, там. Тише! — приказала Лиласитэ, нахмурив свои брови, дугой изогнутые над голубыми глазами.

Кумушки с покорным видом удалились в пещеру, не желая противоречить любимой дочери вождя.

Отец Лиласитэ, Виссили-Рора (Гром-Молния), был не только старейшиной селения, но и избранным вождем всего племени яванов с Дордони.

Вмешательство девушки оскорбило тщеславного Юло и он заметил:

— Пусть тешатся над этим сопляком, голубоглазая си-

ничка Лила. Погоди, я им сейчас покажу, как играют в мяч недоноском яваны.

Он кинулся к Минати, но тот, ловко отскочив, предупредил нападение. Обычно бледное лицо юноши покраснело от гнева и он прошипел сквозь зубы:

— Грубиян! Презренный дикарь!

— Подойди-ка сюда! — крикнул ему между приступами хохота гигант Юло. Гнев Минати сильно забавлял его.

— Не беспокойся, настанет день, когда я приду и восторжествую над твоей животной силой. Я повалю тебя на землю, как новорожденного оленя, и ты узнаешь, что мое имя не «Дрожащий Куст», как вы, яваны, называете меня, издеваясь. И ты узнаешь также, что отец человека, которого ты оскорбил...

— Сын мой! Сынок! Мое сокровище! — задыхающимся голосом умоляла прибежавшая женщина.

Она не дала Минати закончить фразу. Нежно закрыв ему рот левой рукой и обняв его правой, она увлекла его за собой.

— Иди, сынок! Иди, мой дорогой. Мужайся, мой любимый. Вооружись терпением, плоть моей плоти. Иди со мной, мой мальчик...

Дочь вождя проводила их задумчивым взглядом, полным грусти и участия. Мать с сыном пробирались по мшистым скалам, не обращая внимания на преследовавший их громкий смех красавца воина.

Лиласитэ, слабая и нежная, как цветок, рядом с исполинским Юло, внезапно почувствовала на своих плечах его сильные руки. Но она гибким движением бедер высвободилась из его объятий и, как бы извиняясь за свою резкость, сказала:

— Ведь мы с тобою только обручены, Юло. Но не больше.

Она ловко увернулась, когда он еще раз попытался обнять ее своими огромными, обнаженными, покрытыми браслетами из маленьких ракушек руками и убежала к отцу, производившему в это время смотр охотникам.

Около сотни охотников кольцом окружили Виссили-Ро-ра и он, останавливаясь перед каждым, внимательно осматривал его оружие. У каждого из них было тяжелое копье из орешника с длинным, широким, обоюдоострым кремневым наконечником и пара ясеневого дротиков, к которым кожаными ремешками было привязано либо длинное и тонкое острие из кремня, либо наконечник из наточенной кости; каменный топор, величиною почти с человеческую руку, привязывали за рукоятку к поясу из львиной, волчьей или леопардовой кожи; наконец, у каждого был кинжал с широким кремневым клинком, вправленным в ручку из оленьей кости, где вырезались изображения разных животных.

Телосложение этих великанов-охотников соответствовало их шестифутовому росту. Могучая мускулатура конечностей и груди выделялась под розовой волосатой кожей. Они покорно подчинялись осмотру вождя, но держали себя, как равные, с избранным ими же начальником. Когда вождь спросил, запаса ли один из каждого десятка охотников дощечками для добывания огня в предохраняющих от сырости кожаных мешочках, эти большие дети, всегда готовые повеселиться, разразились громким смехом и шутками.

Охотники ловко отделались от неприятной обязанности таскать прибор для добывания огня. Им удалось уговорить одного юношу, принятого лишь две-три луны тому назад в ряды воинов, что нести на своей спине багаж славных воинов во время долгого пути через покрытые снегом горы и непроходимые девственные леса, — большая честь, которой не все удостоиваются. Они со смехом вытолкали вперед и показали вождю этого счастливого избранника. К его спине уже была прикреплена объемистая вязка дощечек и принадлежностей для добывания огня, бережно завернутых в оленьи шкуры. При виде его Виссили-Ро-ра вспомнил свои юношеские проказы и торжественно приветствовал наивного носильщика, чем еще увеличил царившее среди охотников общее веселье.

По приказу вождя, один из охотников два раза протрубил в бизоний рог. То был сигнал, призывавший всех остающихся здоровых мужчин для распределения между

ними обязанностей. Одним поручалась защита селения, другие должны были участвовать в ближайшей охоте на оленей. Вскоре на реке должен был начаться ледоход и тогда бесчисленные стада оленей, направляющиеся к северу через одну или три четверти луны после продвижения мамонтов и носорогов, должны были в свою очередь покинуть ледяные склоны Пири.

Виссили-Рора обратился к охотникам на оленей с краткой речью. Он им напомнил, что Виссу-Уара — великий покровитель охоты — создал и размножил священных животных на пользу яванов, поэтому они должны истреблять их в строго ограниченном количестве, не больше, чем необходимо для нужд племени. Вождь требовал также, чтобы строго соблюдался древний обычай: прежде, чем ударом копы сразить оленя, попросить у него прощения.

После этого он обратился к десятку мужчин, остающихся в селении, и в коротких словах объяснил им их обязанности.

Аллига-Марю (Орлиные Перья), еще не оправившемуся от раны, полученной им во время набега на страну груандисов, Виссили-Рора передал на время своего отсутствия высшую власть. Минати он благосклонно поручил каждый вечер осматривать жилища и проверять, хорошо ли заложены отверстия камнями, преграждавшими доступ в пещеры, и зажжены ли огни, отгоняющие волков и гиен

На остальных мужчин была возложена обязанность использовать пленных груандисов для постройки летних хижин, крытых оленьими шкурами. Но так как никто из присутствовавших не знал точного количества пленных, — частью проданных в ближайшие селения, частью разбежавшихся накануне большого праздника охотников на мамонтов и, наконец, частью заключенных в глубине пещер, то Аллига рассердился и велел немедленно расследовать это дело. Как настоящий вождь, он решил собственными глазами проверить число рабов.

Рабы считались общественным достоянием и содержались в пещере, проход куда каждый вечер закладывался камнями. Их выпускали оттуда лишь для выполнения са-

мых тяжелых работ, таких, как рубка, переноска и обработка пней и деревьев.

Огромные круглые камни, закрывавшие вход в пещеру, уже были отодвинуты в сторону, и, не дожидаясь приказа вождя, мальчишки визгливыми голосами, вызывавшими эхо в пещере, выкрикивали:

— На работу, груандисы! Выходите, вонючие животные! Торопитесь, а то отведаете кнута!

Им ответило лишь эхо. Тогда хромоногий Аллига, сняв с себя пояс, скрылся во мраке пещеры. Оттуда скоро донесся глухой рев и какие-то существа, сопровождаемые щелканьем кнута, давя и тесня друг друга, появились в узком проходе пещеры. Нельзя было разобрать, были ли это люди или звери. Рядом с рослыми, атлетически сложенными яванами с их стройными ногами, красиво очерченными высокими лбами и орлиными носами, они вполне оправдывали свои прозвища «людей-зверей», «грязных кабанов», данные им народом-завоевателем.

Самые высокие из сорока-пятидесяти дикарей ростом были не больше двенадцатилетнего ребенка. Они, казалось, были очень испуганы и толкали друг друга под тяжелыми ударами бичей. Их непомерно длинные торсы и неуклюжие короткие конечности казались сплошь состоящими из одних мускулов. На уродливых руках виднелись толстые и растопыренные пальцы. При ходьбе они ступали наружной стороной широкой бесформенной ступни.

Огромная голова на низкой шее, едва выступавшей между широкими плечами, выдавалась вперед, увеличивая и без того вытянутое, как звериная морда, лицо с тяжелой, лишенной подбородка нижней челюстью. Глаза, нос, рот и уши были огромных размеров, а лоб был такой низкий и покатый, что сливался с плоским черепом. Огромные глаза, глубоко сидящие под нависшими над ними в виде козырьков надбровными дугами, горели, как головешки.

Мальчишки, гурьбой толпившиеся у пещеры, кидали в них камни и кричали:

— Груан! Груан!

Одни груандисы были совсем нагие, другие кутались в

изношенные звериные шкуры. Они торопливо проходили тяжелой, раскачивающейся походкой. Некоторые выпускали на своем примитивном наречии какие-то нечленораздельные звуки.

Один из них, когда безжалостный удар ремня во второй раз окровавил его голое плечо, как затравленное животное, устремился вперед, сбив с ног одного за другим двух своих товарищей; он пробился через толпу и с такой силой ударил головой явана, что тот зашатался.

Человек-зверь в своем безумном порыве нечаянно коснулся свисавшей с плеч вождя бизоньей шкуры и осквернил ее своим нечистым прикосновением. За это ему тут же на месте раскололи череп кремневым топором. Этот смертельный удар нанес Юло. Плюнув на тело, извивавшееся в конвульсиях у его ног, он спокойно заткнул за пояс оружие.

— Бали-и-амама-она, — простонали несколько груандисов. Наклонившись к убитому, они обмакнули пальцы в его кровь.

Оплакивали ли они смерть своего товарища, призывали ли они на своем непонятном наречии какого-нибудь злого духа, чтобы отомстить за него яванам? Никто этого не знал, да никому до этого и не было дела: одним груандисом больше или меньше.

Глашатай три раза протяжно протрубил в бизоний рог. Радостные крики эхом откликнулись с холмов, по которым разбрелись охотники на мамонтов. Они без всякой грусти покидали своих родных, плененные полной приключений жизнью, которую они будут вести на охоте в течение двух недель, а может быть, и целого месяца. Кто знает? Все зависело от того, по какому направлению двинутся огромные стада мамонтов.

Семьи охотников были настроены не менее радостно и желали отправляющимся в путь удачи и богатой добычи, совершенно упуская из виду, что, несмотря на привешенные к их шеям амулеты, многим не суждено вернуться домой. С восторгом предвкушали они ожидающие их после охоты обильные пиршества.

— Только не забудь, как ты это сделал в прошлый раз,

принести мне мозги мамонта.

— А мне большой кусок хобота.

— А мне самые большие кости ноги.

Солнце выглянуло из-за тумана и медным шаром поднялось над снежными холмами Везе. Над замерзшей рекой подымались легкие испарения. Гиганты-охотники, сопровождаемые прощальными криками, быстрым шагом двинулись в путь.

Недавно посвященный в охотники наивный Мере, уже вспотевший под тяжелой вязкой дощечек для добывания огня, не удержался и сказал:

— Однако, это тяжеловато для дерева.

Вся вереница воинов разразилась хохотом, так как нашлись злые шутники, сунувшие незаметно для доверчивого Мере (Быка) в его вязку свои топоры. И один из них сказал притворно серьезным тоном:

— Что ни говори, а на твою долю все-таки выпала высокая честь.

Глава II

В селении троглодитов

Таламара (Источник Слез) и ее сын не принадлежали к племени, населявшему Дордонь. Два года тому назад они были приняты в семью, обитавшую в одной из больших южных пещер. Таламара щедро отплачивала за оказанное ей гостеприимство, изготавливая одежду из мехов или собирая в летнюю пору дикие корни и ягоды.

Ее сын, Минати, лучший в селении ремесленник, тоже не оставался в долгу. Он выделывал различные безделушки и продавал их воинам в обмен на крупную дичь и на разные необработанные материалы: клыки мамонтов, бизоньи рога, конские, медвежьи и львиные зубы, из которых он изготавливал мелкие вещицы для украшений. На его изделия был большой спрос даже вне их селения. У странствующих торговцев, служивших связующим звеном между отдельными племенами и даже между целыми народами, особым успехом пользовались его тонкие, острые иглы с такими удобными ушками, что даже слепой и тот мог вдеть в них жилу или конский волос. Он их делал из оленьей кости. За одну иглу Минати получал необыкновенные вещи: горсть перламутровых раковин, привезенных с берегов Средиземного или еще более далекого моря, иногда даже шкуру, снятую с еще теплой туши мускусного быка особой породы, знакомой грундисам по тяжелым временам вечной зимы. С тех пор эта порода уже не покидала дальних северных окраин.

Потеплевший воздух — робкий признак прихода весны — манил Минати. Он вынес свой верстак, сделанный из ветвей, за порог пещеры. Какое наслаждение работать под яркими солнечными лучами после долгих зимних месяцев, проведенных у очага в пещере, едва освещенной мерцанием восковой свечи или лампой, заправленной жиром.

Мимо него проходили женщины, неся в кожаных корзинках мусор, чтобы выбросить его в овраг. Другие воз-

вращались от источника с полными мехами воды. Многие из них жаждали нежного прикосновения солнечных лучей к своей белой коже и спешили сбросить с себя тяжелые плащи из оленьих шкур, сохраняя лишь вокруг бедер узенькие юбочки из шкурки бобра или сурка. Молодые девушки носили только ожерелья из бус и браслеты.

Многие намеренно сворачивали с дороги и карабкались к пещере Минати, расположенной на склоне холма. Они с любопытством смотрели, как он кончиком крошечного кремня просверливал дырки в иглах или же на нижней стороне выдолбленного камня, который должен был служить лампой, резцом вызывал изображения животных.

Самая бесцеремонная из веселой компании глазающих женщин быстро схватила лежавшую на верстаке уже готовую застежку и, смеясь, сказала:

— Это ты для меня сделал эту застежку из слоновой кости, не правда ли, мой красавчик?

— Убери руку, Сорока! Не для твоего это клюва.

Он стиснул ей руку, чтобы заставить ее выпустить застежку. Рассвирепев, она выпалила:

— У тебя никогда не будет жены. Поищи-ка яванку, которая согласится пойти за тебя замуж. Силы твоих рук хватает лишь на то, чтобы царапать по костям, которые ты подбираешь в мусоре вместо того, чтобы добывать их у убитых животных. Недоносок ты эдакий!

Он равнодушно пожал плечами, так как с детства уже привык к такого рода комплиментам.

Остальные женщины стали на защиту обиженной подруги:

— Сорока права. У него даже нет черепа, из которого он мог бы в дни празднеств пить мед, между тем как наши мужчины имеют даже по два.

— Да откуда у него будет череп? Он ведь за свою жизнь не убил ни одного человека.

— Правда. Даже ни одного груандиса. У него для этого слишком слабые руки.

Проходившие мимо охотники на оленей подлили масла в огонь:

— Вы трещите, как сороки, болтушки, а даже не понимаете того, о чем говорите. Ну, где ему раскроить череп какому-нибудь вонючему кабану? От тяжести топора он вывихнет себе локоть, а пожалуй, и плечо. Самое легкое, чем он может отделаться, это свихнуть себе шею.

Но правильное, тонкое лицо юноши оставалось бесстрастным, и женщины разошлись, продолжая издеваться над ним.

Оставшись один, Минати сбросил с себя маску хладнокровия и дал волю своему гневу. Он потрясал поднятыми кулаками и, закрыв лицо руками, повалился на землю.

Таламара кончила свою работу: она покрывала свежим папоротником ложа для сна. Выйдя из пещеры и увидев сына, она нежно спросила его:

— Ты плачешь, сынок? Что с тобой, мое дорогое дитя?

Отняв руки от лица, он встретил встревоженный взгляд склонившейся над ним матери. Его судорожно искаженное лицо на минуту как бы смягчилось, но голос был резок и сух:

— Оставь меня! Уйди! Уйди же от меня! Оставь меня в покое!

— Сын мой! Мое сокровище! Мой мальчик!

Синие глаза и дрожащие губы матери молили о пощаде. Бесконечные несчастья преждевременно состарили ее благородное лицо, но тело осталось гибким и стройным, без той полноты, которую годы накладывают на фигуру женщин, ведущих оседлый образ жизни и любящих лакомиться мозгами и жиром животных.

— В чем дело, мой мальчик? Что я тебе сделала? Скажи... — шептала испуганная Таламара.

Минати быстро поднялся на ноги и, отчеканивая каждое слово, со злостью проворчал:

— Ты ведь знала, что я никогда не смогу быть воином, мужчиной, как все яваны, и ты должна была дать меня умертвить при рождении, как это повелевает Закон Народа. Душа моя кружилась бы теперь среди огненных звезд вокруг солнца вместе с душами предков и не томилась бы в этом хилом теле, которое ты ему дала и на которое каж-

дый с презрением плюет. Вот что ты мне сделала.

— Я ведь тебя так любила, — со смиренной мольбой простонала мать.

В своем горе она вновь переживала события, происшедшие двадцать лет тому назад: несчастный случай — падение с горы — вызывает у нее преждевременные роды; новорожденный хил и слаб и по закону яванов должен быть похоронен живым. Если оставлять в живых слабых и калек, то они ослабят сильный народ Сынов Солнца. Она бурно сопротивляется закону и напоминает старейшинам, что она дочь и жена вождя и что они не имеют права отнять у нее ребенка. Но отец ребенка решает во имя спасения расы пожертвовать своим первенцем. Тогда она в отчаянии прибегает к помощи одного калеки, товарища ее детства, которого когда-то материнская хитрость спасла от велений безжалостного закона. Он самоотверженно отправляется вслед за могильщиками, откапывает ребенка, приводит его в чувство и прячет в ствол дерева.

Таламара видит себя на третий день после родов: преследуемая хищными зверями, она скитается по лесам, прижимая к груди живой комочек мяса, в котором вся ее жизнь и богатство. Затем она бежит на юг и уходит далеко-далеко от зеленых берегов Сека — страны ее родного племени, всюду неся с собой свою драгоценную ношу. В дороге она переносит самые тяжелые испытания и соглашается на самые унижительные работы, хотя при этом и страдает ее расовая гордость. Но что ей до настоящего! Ее воодушевляет другая мысль: надо, чтобы ребенок вырос, стал сильным и статным, хорошим воином и охотником, и чтобы он был, наконец, принят в лоно своего племени. Обезоружив таким образом закон, она сможет открыто сознаться в своем преступлении.

— Я так любила тебя, — вновь сказала она после некоторого молчания.

Минати в это время собирал инструменты, чтобы унести их в пещеру.

— Я тебя так любила. Я знаю матерей, которые собственными руками душили своих слабых детей. А я этого не

могла сделать. Я так тебя любила, и ты должен меня простить...

— Мать! Моя бедная мать!

Он взял ее руки и провел ими несколько раз по своему лицу, что считалось у яванов наивысшим проявлением нежности. Но когда он вновь попытался утешить ее словами:

— Будь терпелива, мама. Все это изменится. Близок день... — у нее внезапно вырвался крик:

— Да! Мы уйдем отсюда в далекие страны, туда, где течет синее море. Говорят, что там тоже живут люди нашей расы, но они не так велики ростом и не так сильны...

Минати тряхнул своей белокурой головой. Он думал об узах, которые его отныне связывают с этим селением, улыбаясь одними глазами нежному видению, завладевшему его мечтами и грезами. Когда он заговорил с матерью, голос его звучал торжественно:

— Мать, близок день, когда тот, кого они презрительно называют «Дрожащим Камышом», превратится в грозное существо. Он будет могущественнее всех, когда-либо властвовавших над равнинами яванов с тех пор, как солнце светит в небесной лазури. Они будут трепетать передо мною, как лань перед волком, так как я буду владеть силой, с помощью которой смогу убивать врагов на расстоянии. Сейчас я тебе покажу это.

Он вошел в пещеру, где женщины стряпали, переворачивая на углях куски сушеного мяса. Захватив с собой целую вязку прутьев разнообразной толщины и длины, он выбежал оттуда и вскарабкался по лесистому откосу горы.

Осторожно ступая по камням, Таламара последовала за сыном, стараясь разгадать таинственную загадку. «Что он мог придумать на этот раз?» — тревожно задавала она себе вопрос. Бесконечные скитания между разными племенами сильно способствовали развитию умственных способностей Минати. Он умел сразу найти интересующую его сторону в каждой вещи, часто ничего не значащей с точки зрения других людей. Он был наделен в высокой степени наблюдательностью, фантазией и терпением — свойствами, создающими изобретателей. Он уже доказал свои творческие спо-

способности гениальным изобретением костяных игл, дававших возможность изготавливать одежду из звериных шкур.

Дойдя до верхушки лесистого откоса и убедившись, что кругом нет ничего, кроме розовых, желтых и фиолетовых цветов, робко открывавших свои чашечки навстречу весне, Минати развязал пачку прутьев и заговорил:

— Помнишь ли ты, мать, кустарник, которому снежной бурей сломало верхушку, и как она до наступления оттепели лежала в замерзшей луже? Помнишь ты, как он внезапно вновь поднялся и пустил ростки во все стороны?

Таламара жестом созналась в своей забывчивости.

— Знаешь, я хотел раньше просто для забавы подражать этому кусту. Лишь значительно позже я понял тайный смысл этого. Теперь смотри!

Он взял прут толщиной в палец, а длиной около полутора метров, и привязал к обоим его концам высушенную кишку животного. Его левая рука держала середину прута; потянув правой рукой кишку, он быстро отпустил ее. Он повторил этот прием еще раз, но уже держал в правой ладони маленькую палочку, снабженную костяным острием. Когда он отпустил кишку, в воздухе что-то просвистело. Таламаре это показалось забавным, но не произвело на нее особенно сильного впечатления, как на то рассчитывал изобретатель. Она лишь заметила:

— Что же, это новый способ метания копья?

— Самая сильная рука может бросить копье только на несколько шагов от себя, и то без уверенности, что оно попадет в цель. Пойдем со мной и давай вместе считать твои шаги.

Они сосчитали пять раз свои пять пальцев, а затем еще раз столько же, что составляло на языке яванов цифру пятьдесят, так как они все свои вычисления вели на пальцах.

Когда Таламара увидела, что костяное острие, длиной приблизительно в две трети пальца, целиком вошло в кору дерева, она онемела от изумления. Все огромное значение изобретения стало ей ясно.

— Подожди, мать, я тебе еще кое-что покажу. Ты видишь тот дуб, где я оставил остальные прутья? А видишь ты

на нем нарост мха величиной с человеческое сердце? Вот, смотри.

Резкий свист внезапно прорезал воздух. Подбежав к дереву, они оба увидели, что стрела вонзилась прямо в кружок мха. Когда мать подняла на Минати испуганные глаза, она увидела, его озаренное гордостью лицо и губы, искривленные мстительной усмешкой.

— Вообрази!.. Да, вообрази, мать, что на месте мха было бы сердце Юло. Он бы даже и оглянуться не успел, как кровь ручьем лилась бы из его гнусного рта. Но это еще не все... На западе, в лесах, растет еще лучшее дерево. Я смогу пустить стрелу вдвое тяжелее этой на двойное расстояние, и я ее снабжу отточенным с двух сторон острием. Это будет прекрасно... и ужасно. Мать, запомни, что я заставлю содрогаться от ужаса всех этих людей, которые сейчас с презрением плюют на меня. Они падут ниц передо мной и я ногой придавлю их надменные головы.

Таламара никогда еще не видела сына в таком возбужденном состоянии. Она тщетно пыталась успокоить его.

Он потрясал своим луком и делал вид, что желает пронзить стрелами небо, как бы выражая этим свою жажду мщения. Но в этот миг с уст матери сорвалось нужное слово:

— Вот Лиласитэ. Взгляни-ка, там, внизу.

Это была действительно Лиласитэ. Она пришла приветствовать первые весенние цветы под сенью вековых деревьев. Фиалки, казалось, склонялись к земле от прикосновения ее нежных пальцев, и ромашки в ее белокурых волосах, обрамлявших виски и затылок, еще ярче выделялись золотистыми и белоснежными пятнами. Тяжелые одежды из оленьих шкур соскользнули с ее плеч на чуть проросшую траву, и на тусклом фоне мшистых стволов лучи солнца оттеняли розовеющую белизну ее юного тела.

Как зачарованный, смотрел Минати на молодую девушку, в то время как она с кошачьей гибкостью наклонялась то к одному, то к другому цветку. Походка ее была так воздушна и легка, что былинки снова выпрямлялись после ее шагов, а прозрачная роса нежно ласкала ее тонкие ноги.

Он чувствовал, что таинственная сила овладевает его сердцем и наполняет его всего. Кровь прилила к его лицу и он закрыл глаза.

— Друзья, и вы любите цветы? — раздался мелодичный голосок.

Она быстро шла им навстречу, держа в одной руке оленью шкуру, а другой прижимая к груди охапку цветов. Но когда она подошла к ним, выражение глубокой печали сменило выражение радости на ее лице. Ее рука выпустила цветы и они упали к ногам юноши.

— Ты какой-то странный, Минати. Блеск твоих глаз беспокоит меня. Я не люблю этих огней.

И, действительно, вид Минати был странный. Глядя на коралловое ожерелье, еще больше подчеркивавшее ее красоту, юный стрелок с горечью думал о том, что он, человек без рода и племени, не смеет даже мечтать о дочери великого вождя.

Быстро подобрав лук и стрелы — будущее оружие его мести — он отвернулся от нее и проговорил с кривой усмешкой:

— Ты разгадала мою тайну по глазам. Я человек ненавиди...

С ее длинных ресниц катились слезы, словно жемчужины. Затуманенным взглядом смотрела она на удалявшегося непреклонного и гордого юношу.

Схватив Таламару за обе руки, она спросила:

— За что он меня ненавидит? Скажи, дорогая. Открой мне причину.

Глава III

По следам мамонтов

Всего лишь несколько десятков веков тому назад закончился ледниковый период в северной половине земного шара и только тогда эта часть земли стала пригодной для обитания людей и животных.

Длившийся в течение сотен веков период холодов совершенно стер с лица земли гигантских млекопитающих, населявших Западную Европу, и вместе с тем истребил большую часть обезьяноподобных людей. Остальные же научились пользоваться, как оружием, камнями, собранными на берегах рек, и быстро поднялись над уровнем животных. Груандисы происходили от этих отдаленных существ, уцелевших после изменения земной поверхности.

Крупные травоядные, густо населявшие Азию, двинулись к новым пастбищам, которые после ледникового периода вновь зазеленели. Постепенно передвигаясь, на что понадобилась тысяча лет, они дошли, наконец, до тупика, каким была Западная Европа для этого живого потока азиатских стад, увлекшего за собой первобытные народы, единственным промыслом которых испокон веков была охота.

Яваны были одним из этих племен, двинувшихся вслед за дичью из глубины Азии на Далекий Запад. В их преданиях сохранились смутные воспоминания о долгих странствованиях вдоль берегов огромного синего моря, тянувшегося от знойных песков Сирии до раскаленного жерла Киренаики. Там прохладные северные ветры заставили их изменить первоначальный маршрут. Воспользовавшись перешейками, соединявшими еще тогда Сицилию с Африкой и Калабрией, они прошли через области, населенные людьми маленького роста, с курчавыми волосами, и направились в страну, где им суждено было осесть и закончить свое развитие — страну, ставшую их родиной и получившую позже название Франции.

Виссили-Рора и охотники, три дня тому назад покинувшие селение, приближались к истокам Везера. Оттуда они могли, пройдя по водоразделу рек, в три дня добратся до верхней долины Виенны, которая должна была их привести в холодные области — к месту переправы огромных кочующих стад.

Время в дороге проходило весело. Берега Везера были густо заселены, так что через каждые четыре-пять часов на пути попадались группы обитаемых пещер.

Вперед отправлялись несколько разведчиков. Остановившись за сто шагов от селения, они выпускали условный между охотниками на мамонтов крик, клали на землю свое оружие и приближались с поднятыми вверх руками, открывая при этом ладони. Прodelывая те же телодвижения, установленные обычаем, жители селений выходили им навстречу. После этого они правой рукой обнимали друг друга и терлись носами, что считалось знаком расположения и гостеприимства.

Гостей приглашали в пещеры, где находились, согласно обычаю яванов, покрытые звериными шкурами подстилки из сухих трав. Натянутые меха делили пещеру на отдельные маленькие клетушки, где на общих очагах готовилась пища для всей семьи. Старший в роду, отец или дед, всячески старался угождать гостям.

Женщины жарили на огне куски вяленого мяса и пекли в горячей золе сочные корни. Мужчины в это время вели гостей по помещению и с гордостью обращали их внимание на нарисованные и высеченные на стенах пещеры изображения животных. Как бы невзначай забывая упомянуть, что эти изображения существовали уже в те времена, когда их деды были детьми, они выдавали их за свою, или своих сыновей, работу.

С не меньшей гордостью показывали они гостям высушенные на медленном огне головы, которые с оскаленными зубами торчали на кольях вокруг предназначенного для гостей почетного очага. Хозяин рассказывал, что он отрубил эти головы еще в юности, когда существовал обычай

подносить возлюбленным черепа гурандисов в качестве свадебного подарка.

Во время трапезы, в которой принимали участие только одни мужчины, подавалось в большом количестве жареное мясо на огромных деревянных блюдах, и каждый ел его, сколько хотел. Усевшись на корточки, гости брали по целому куску мяса. Набив им полный рот, они сжимали челюсти и кремневым ножом отрезали торчащий между зубов остаток. Съев один кусок, они таким же образом справлялись со следующим. Когда все, наконец, наедались мясом досыта, женщины подавали блюдо, доверху наполненное печеными в золе корнями. За этим следовал своеобразный салат, подававшийся в натуральном виде, то есть в желудке оленя, где он был найден; салат этот состоял из полупереваренных, пропитанных желудочным соком мхов и лишайев, и буквально таял во рту. За едой пускали вкруговую почетный череп с медом.

После ужина хозяева и гости с оживлением рассказывали друг другу бесконечные повествования из охотничьей жизни, где фигурировали всевозможные породы животных. Действительно, необъятный коридор, ограниченный океаном и ледниками центрального горного массива, естественным продолжением которого с обеих сторон являются Пиренеи, Вогезы и Арденнские горы, иначе говоря, нынешняя западная Франция, — представлял в то время область с необычайно богатой и разнообразной фауной.

Равнины кишмя кишели дикими оленями, мамонтами, лошадьми, особой породой ослов (кианги), бизонами, буйволами. Туда проникали также и носороги с длинной шерстью и мускусные быки. Там встречались дикие кабаны, лани, косули и разные породы лосей, одна из которых, необыкновенной величины, водилась в дремучих лесах. Там их подстерегали львы, леопарды, медведи и росомахи, и рвали их в клочья, предоставляя их кости гиенам и шакалам. Рыси, волки, дикие кошки, белые и бурые лисицы брали дань со всех пород грызунов, начиная с бобра и кончая сурком. По отрогам гор носились бесчисленные стада серн, диких кабанов и обезьян.

Конец привольной жизни охотников наступил, когда они спустились в долину Виенны с ее необитаемыми пещерами. Доброволец-носильщик, гигант Меге, с которого пот градом струился при подъеме на возвышенность Везера, искренне обрадовался, добравшись до этой пустынной местности: теперь ни одна партия охотников не сможет обойтись без его дощечек для добывания огня. Встав с восходом солнца, охотники тесными рядами двинулись в путь. Впереди шли два опытных следопыта. Охотничья дисциплина требовала абсолютной тишины во время похода. Поэтому охотники двигаются в полном молчании, стараясь даже не ступать по сухим ветвям. Они идут весь день без отдыха, лишь вечером, разбитые усталостью, они делают привал у одной пещеры, где впускают целую стаю летучих мышей. В то время, как охотники разбредаются в лес за сухими ветвями, носильщики раскладывают принадлежности для добывания огня и принимаются за работу. Один из них кладет на землю слегка обуглившуюся березовую дощечку и крепко придерживает ее руками. Другой в это время втыкает в середину дощечки заостренную дубовую палочку и, держа ее в вертикальном положении, быстро вращает между ладонями. Через несколько секунд или минут, в зависимости от ловкости действующего лица, конец, упирающийся в дощечку, начинает дымиться и вскоре появляются слабые искры. Тут на помощь приходит третий человек и зажигает об эти искры трут.

Добыв драгоценный огонь, охотники разводят костер, огражденный камнями. Огонь будет охранять их сон от хищных зверей.

В тишине леса, не нарушаемой еще журчанием замерзших потоков, раздался резкий свист дрозда — сигнал, который подавали разведчики, делая при этом условные движения руками. Новость шепотом передается по веренице охотников: «Орва» (мамонт). Старый, одинокий мамонт, отогнанный из стада самцом-победителем подальше от самок, оставил ничтожные следы своего пребывания: сломанную ветку, разбросанные сухие листья, стертый мох на од-

ном из стволов — приметы, доступные лишь опытному глазу.

Поход возобновляется. Охотники еще более сосредоточены и осторожны. В воздухе уже слышится неясный гул, переходящий, по мере приближения, в шум и вырастающий в оглушительный грохот: это могучее стадо прочищает себе путь через дремучий лес.

Пигмеи ринулись на великанов и битва началась.

Сняв с себя одежды из бизоньих и оленьих шкур, чтобы ничем не стеснять своих движений, яваны оставляют их под деревом и с жаром берутся за дело. Тяжелыми топорами они выкапывают углубления в земле и укрепляют там в наклонном положении копья с обоюдоострыми кремневыми наконечниками. В то время, как человек двадцать заняты этими приготовлениями, остальные, разделившись на две группы, бегут навстречу живому урагану. Треск от вывороченных с корнем и сломанных исполинскими чудовищами деревьев эхом разносится по лесу.

Внезапно из кустарника раздаются крики. Животные останавливаются, беспокойно настораживают свои огромные уши и поднятыми кверху хоботами втягивают воздух. В этот момент охотники выскакивают из кустов и трением одного кремня о другой производят адский шум. Взбесившиеся от страха самки заражают своим безумием все стадо, и оно в паническом ужасе устремляется вперед. Оглушительный шум и вопли охотников сопровождают их бег и направляют их в нужную сторону. Криками они заманивают животных туда, где смертоносным рядом торчат из земли копья, рвущие в клочья звериные груди и животы, а сами сзади ударяют топорами по сухожилиям ног.

Смертельно раненные великаны падают замертво; другие, счастливо избегнувшие западни, бегут вперед, опрокидывают людей и деревья, сметая все, что попадается им на пути. В нужный момент охотники ловко отскакивают в сторону, чтобы затем снова кинуться в бой. Их топоры разят направо и налево, а из мощных грудей вырывается звучное «Ган! ган!».

Трубные вопли взбешенных мамонтов смешиваются с воем агонии; треск ломающихся деревьев, оглушительные «Ган! ган!», предсмертная икота и хрип оглашают воздух.

Прислонившись к стволу, стоит охотник, пораженный страшным ударом животного. Из горла у него течет кровь. Рядом другой охотник взмахом топора отрубает животному хобот и из торчащего обрубка хлещет ручьем алая кровь.

Внезапно побоище прекращается. Оледеневшая земля дрожит от топота бегущих ног. Издаваемые мамонтами звуки эхом отдаются в чаще. Трубные звуки и вой великанов-животных, пробивающих себе дорогу, сокрушая вековые деревья на своем пути, теряются в молчании уснувшего леса.

Раненый охотник был доверчивый и услужливый Мере (Бык). Толчком мамонта он был прижат к дереву и раздавлен. Взглядом и жестами он молил, чтобы его не оставляли на съедение волкам и скорее прикончили, согласно обычаю яванов. Прежде чем поручить кому-нибудь из охотников одним ударом освободить Мере от страданий, Виссили-Рора велел дать ему воды. Но несчастный испустил дух раньше, чем успел напиться из бизоньего рога. Смертным ложе́м ему послужил покрытый белым налетом инея мох. Товарищи благоговейно распростерли его крупное тело, сложили ему руки на груди, на лоб положили топор, под локти сунули копье и меч. Покрыв труп ветвями, они окружили его валом из больших камней и молча удалились.

Добыча состояла из двадцати мамонтов, добытых ударами топоров. Отборные куски — хоботы и ноги — были тщательно завернуты в шкуры. Вскрыв каменными топорами черепа, охотники вынули из них мозги — лакомство для женщин. Повернув затем на спину еще не остывшие чудовищные туши, они быстро выпотрошили их. Сердца, легкие и печенки они нанизали на лианы. Боясь нападения волков и гиен, несколько человек вскарабкались на деревья и разместили там разрубленное на куски мясо. Позже, целый отряд юношей и мужчин должен был перенести мясо в селение. На обратном пути охотники питались глазами, съедаемыми в сыром виде, и жареными на вертелах языками.

Клыки животных охотники не успели в тот день вынуть, так как солнце уже скрылось за густые деревья, а дело это было сложное и требовало много времени. Они отложили эту операцию до следующего дня; вынутые из челюстей клыки прятали в глубине какой-нибудь пещеры. Следующая партия охотников забирала их оттуда и доставляла в селение.

Коснувшись правой рукой орошенной кровью земли и оставив красные следы своих пальцев на могильных камнях, воины плотными рядами двинулись в обратный путь, неся на плечах тяжелый груз мяса.

Густой туман спустился на верхнюю долину Виенны. Неожиданно войско было остановлено свистом дрозда и быстрый шепот пронесся по всей веренице охотников: разведчики обнаружили следы человеческих ног. Охотники испуганно переглянулись, спрашивая друг друга — не разбойничьи ли это племена кочующих груандисов? Приблизившись к разведчикам, вождь застал их на коленях, внимательно вглядывающимися в таинственные следы.

— Что, вонючки? — шепотом спросил он одного из них.

Судя по следам, это были не груандисы с вывороченными ступнями, а настоящие люди, оставившие на помятой траве свежие следы своих пяток и больших пальцев. Что же, яваны или питающееся тюленьим мясом племя Кроньо, покидавшее далекие устья Сены и Соммы для охоты в дремучих лесах?

Ночь уже наступила. Вдали, на утесе, мелькали огоньки. Десяток охотников направился туда. Приблизившись к освещенным пещерам, они громко крикнули:

— Яваны!

На фоне дымящихся костров вырисовывались силуэты людей и раздались радостные крики:

— Яваны! Яваны с Сены!

Вначале, согласно правилам приличия, говорили исключительно о погоде, о дичи, об охоте. На вертелах жарились языки мамонтов. Со стороны яванов с Дордони было бы ужасной грубостью проявлять любопытство и спрашивать, зачем люди с Сены пришли сюда, в эту пустынную страну,

находившуюся в двадцати-тридцати днях ходьбы от их родных долин.

Только после вечерней трапезы началась дружелюбная беседа, но началась она не просто, а ей предшествовали разные тонкости ораторского красноречия.

Яванов с Сены было десять человек. По их словам, они составляли часть делегации, на которую была возложена обязанность отправиться приветствовать яванов с Дордони и осведомиться об их здоровье. В пути они отбились от своих товарищей, пустившись в погоню за стадом оленей. В конце своей речи они изложили, что мотивом их предполагаемого посещения яванов с Дордони было то, что яваны с Сены, обеспокоенные вторжением рыжих людей, пришедших с Далекого Востока, вынуждены просить помощи у других племен.

Впрочем, весь этот разговор был тонкой дипломатией. Не поверив ни одному слову, веселые охотники отклонили эту серьезную тему. Виссили-Рора было неловко справиться о ценности принесенных подарков, но очутившийся рядом с ним Юло пришел ему на помощь. Он подсказал вождю удачный вопрос, за которым последовало перечисление подарков, состоявших из длинных шелковистых конских хвостов, глыб соли и других заморских диковинок. Удовлетворенный Виссили-Рора стал восхвалять Нанак-Сангару, великого вождя племени с Сены, и поинтересовался узнать количество его жен и детей.

Старейшина пришельцев припомнил по этому поводу печальную, давно забытую историю.

Когда-то любимая жена их вождя злостно нарушила закон, скрывшись вместе со своим хилым новорожденным ребенком, который должен был быть умерщвлен. По всей вероятности, она давным-давно искупила свое преступление в когтях хищных зверей. А Впрочем, возможно, что беглянка еще где-нибудь скитается со своим сыном по разным племенам.

— Я уверен, что закон настигнет их, если они еще живы. Я призываю вас в судьи, братья с Дордони.

Но разбитые усталостью братья с Дордони уже храпели
вовсю. Тогда старейшина, закутавшись в олений плащ, тоже
улегся между спящими и заснул мертвецким сном.

Глава IV

Суровый закон

Таламара шила для Лиласитэ широкий пояс из шкурок выдры, заменявший в летнее время одежду. Она была погружена в глубокое раздумье и не обращала внимания на болтовню Пивиты (Пичужки), тринадцатилетней девочки, чей костюм, согласно обычаям яванов, состоял лишь из ожерелья из бус. Цветы, которые она вплетала в косы, обрамлявшие ее головку, торчали из-за ее хорошеньких ушек и дополняли ее несложный туалет. Пивита жила в одной пещере с Таламарой.

С уходом из селения охотников на оленей, Пивита освободилась от большей части своих хозяйственных обязанностей и в свободное время охотно помогала Таламаре в ее работе. Она уже научилась протыкать шилом из тонко отточенного кремня дырочки в коже, через которые должна была пройти костяная игла с продетым в нее конским волосом.

— Да, мать, — в третий раз сказала Пивита, выражая этим словом всю преданность и уважение к Таламаре. — Да, мать, я бы всегда хотела помогать тебе и быть с тобой.

— Ты славная девочка, Пичужка.

— Какая я девочка, — недовольно ответила она, выпрямившись во весь рост. — Ты ведь знаешь, что если отец и братья принесут с охоты достаточно мяса, то в следующем месяце должно быть отпраздновано мое вступление в возраст ношения пояса.

Увидев улыбку на лице Таламары, девочка приняла ее на свой счет. Но Таламара улыбалась своим собственным мыслям. Она думала о замечательном изобретении своего сына и об открывавшемся перед ним будущем. Она уже забыла о кипевшей в нем ненависти и предавалась мечтам об ожидавшей их славе, которая окончательно заставит забыть все унижения прошлого. Она представляла себе, как ее сын открывает свое изобретение яванам и как те, в знак прек-

лонения и признательности, несмотря на его небольшой рост и слабые руки, посвящают его в воины. Тогда наступит конец их бродячей жизни и ей уже нечего будет бояться быть узнанной яванами с Сены. Факт приобщения к таинствам своего народа сделает ее сына недостижимым для безжалостного, с самой колыбели преследовавшего его закона.

— Мать, о чем ты думаешь? Почему ты мне не отвечаешь?

Девочка нежно положила руку на плечо замечтавшейся женщины и, ловя на ее лице впечатление, произведенное своими словами, терпеливо повторяла:

— А ты знаешь, через месяц после этого праздника я смогу выйти замуж.

Таламара снова улыбнулась, представляя себе, как ее сын становится воином, женится...

Пивита, поощренная улыбкой, твердила все свое:

— Я не такая, как другие девушки, которые обязательно хотят, чтобы их мужья были высокого роста, широкоплечие и сильные и чтобы в доме у них никогда не переводилось мясо. Ты знаешь, я ведь совсем не похожа на них.

— Нет, нет, Пивита, ты ни капельки на них не похожа, — машинально ответила Таламара, вся во власти своих грез.

Внезапно набравшись смелости, Пивита открыла ей свою девичью тайну:

— Я бы хотела такого мужа, как твой сын...

Но едва это признание сорвалось с ее розовых уст, как она заметила внизу, на откосе, Минати. Как бы внезапно застыдившись своей наготы при ярком солнечном свете, она быстро юркнула в пещеру, прежде чем Минати дошел до площадки, служившей входом туда.

Вскоре она вновь появилась: на ней был придерживаемый кожаным ремнем передник из древесной коры, размягченный трением о круглый камень.

Поднявшись на цыпочки, она нежно положила обе руки на плечи юноши. Ласково побранив его за то, что он не пришел к трапезе, она спросила его, не съест ли он теперь свою порцию мяса и печеную в золе лепешку из размельченных корней.

Вдруг снизу, из долины, донеслись громкие крики. Казалось, жители окраин приветствовали возвращение охотников на мамонтов. По мере приближения, радостные крики заглушались взрывами громкого хохота. Все селение было как будто охвачено неудержимым приступом веселья. Люди выбегали из пещер и быстро мчались к реке.

Там глазам всех представилась следующая картина: человек двадцать мужчин с протянутыми вперед открытыми ладонями — доказательство того, что они оставили оружие в долине — входили в селение. Их сопровождала целая орава галдящих мальчишек. С быстротой молнии новость облетела все селение: далекое племя прислало послов приветствовать храбрецов с Дордони, и тут же выяснилась причина безумного смеха, охватившего поголовно всех жителей.

За этими двадцатью молодцами, которые, несмотря на проделанный долгий путь, шагали бодро и уверенно, вприпрыжку ковыляло какое-то шарообразное существо. Казалось, что гости привели с собой на веревке фантастическое или, по крайней мере, совершенно неведомого происхождения животное. Но на бесформенном туловище возвышалась голова с человеческим лицом; размахивая руками, это страшное создание хохотало во всю глотку. Присмотревшись поближе, можно было прийти к заключению, что это было человеческое существо, но до такой степени безобразное и уродливое, какого не увидишь и в кошмаре.

Человечек гордо задирает свою безобразную голову, которая приходилась на уровне поясницы явану среднего роста. Плечи его по ширине равнялись длине туловища, руки казались сплошными бесформенными связками мускулов; кривые ноги отличались, однако, большой подвижностью. Густых волос и бороды вполне бы хватило на то, чтобы прилично его одеть даже при отсутствии охватывавшей его львиной шкуры — знака высокого положения в воинской иерархии. У него был комично вздернутый нос и по обе стороны напоминавших кустарник бровей лукавым огоньком горели умные и веселые глаза. Безобразно широкий рот открывал ряд ровных белых зубов.

— Как он уродлив! Ой, как он уродлив, — повторяли в

один голос женщины и хохотали до слез.

— До чего он смешон! — с трудом выкрикивали мужчины между приступами смеха.

Урод лишь улыбался на комплименты.

Минати, очутившийся вместе с Лиласитэ в толпе, заметил, что это странное существо, наверное, здорово умеет владеть собой, если не отвечает издевательством на издевательства.

Вскоре уроду представился удобный случай отомстить за все насмешки над собой.

Разбитная женщина по прозвищу Кукушка подошла к нему и, раскрыв перед ним свои объятия, церемонно сказала ему:

— Прекрасный юноша! Если ты ищешь себе жену в нашей стране, то подумай обо мне, моя прелесть.

Поднявшийся было взрыв смеха внезапно оборвался. Неожиданные события развернулись с быстротой молнии. Сделав невероятный прыжок и два раза перекувырнувшись в воздухе, карлик очутился у самых ног дерзкой женщины, схватил ее в охапку, взвалил на плечо и пустился бежать с криком:

— Прекрасный юноша не спрашивает женщин. Он их берет сам.

Веселье дошло до крайних пределов. Какое-то повальное безумие овладело всеми. Старики хватались за бока, сдерживая душивший их смех. Женщины хохотали, как безумные: у них из глаз текли слезы, они катались по траве, уверяя всех, что умрут от смеха.

Минати в жизни столько не смеялся, как в этот день; он взглядом искал в толпе свою мать. Вдруг его глаза остановились на лице, похожем на его собственное. Он увидел мертвенно-бледное лицо с судорожно сжатыми губами и расширенными от ужаса глазами. Лишь подойдя поближе, он узнал в женщине свою мать.

— Это надо было запретить, — пошутил он. — Это совершенно недопустимо быть таким уродом. Я готов биться об заклад, что он тебя испугал, мать.

— Ты прав, он меня испугал. Да, верно, — ледяным голосом произнесла она. — Передо мной внезапно встало мое прошлое, прошлое, которое я считала давно похороненным... Если только в мире не существует второго уroda, подобного тому, каким был некогда Куа...

— Это твой друг детства, мать? Тот, который отвратил от меня судьбу?

— Да, это тот, который выкопал тебя из могилы, куда тебя зарыли согласно их ужасному закону. Но может быть, я ошибаюсь... может быть, это не он. Ведь это было так давно.

Но Таламара не ошиблась.

В одной из пещер находился подземный храм яванов. Там совершались таинства и богослужения и доступ туда был обычно закрыт. Аллига-Марю, сидя на корточках перед храмом, поджидал послов. На нем были знаки отличия, соответствовавшие его высокому положению: одежды из бизоньей шкуры, пояс из леопардовой шкуры и начальнический жезл — огромный посох, на ручке которого было вырезано изображение тетерева.

Первое слово принадлежало карлику.

— Великие охотники с Дордони, — начал он. — Приветствую вас от имени славных охотников с Сены. Вы, как и они, являетесь Сынами Солнца. Меня зовут Куа, а отца моего звали Львиным Когтем, он был знаменитым охотником.

После этого предисловия он представил остальных послов, носивших, как и Куа (Жаба), имена различных животных и растений. Он не преминул назвать и их отцов. Но это была неизбежная по этикету вступительная речь. Затем карлик поблагодарил вождя яванов за оказанное гостеприимство и все члены делегации продефилировали один за другим перед Аллига-Марю и в знак дружбы терлись носами и лбами о его нос и лоб. Ликующая толпа проводила их к

пещере, где женщины приготовили для гостей ложа из папоротников и мехов и разложили на ночь костры.

В последующие дни не произошло ничего знаменательного. Торжественный прием делегации, прибывшей не в полном составе, должен был состояться по возвращении с охоты великого вождя и охотников на мамонтов.

Куа и его спутники так устали за тридцать дней утомительного пути, что были рады отдохнуть, разлегшись на подстилках у огня, разгонявшего весеннюю сырость. Гостей часто посещали женщины и мужчины селения и приносили им подарки. Особенно много подарков получил Куа; этим всеобщим интересом к своей персоне он был обязан тому, что до него жители селения никогда не видели безобразных людей, так как уродливые дети умерщвлялись сразу же при рождении. Этот карлик, оставшийся в живых вопреки закону и сумевший подняться выше его, в их глазах обладал таинственной силой и находился в дружбе с духами-хранителями народа. Поэтому он им не только не казался больше смешным, но они даже окружили его благоговейным почетом.

Оправившись от усталости, послы стали прогуливаться по селению. Они останавливались на залитых солнцем площадках перед пещерами и охотно вступали в разговор с яванами. Обе стороны смеялись, так как одни и те же слова странно звучали в разных произношениях.

Гуляя однажды, Куа остановился у верстака, где Минати вырезал по слоновой кости, и перекинулся с ним несколькими словами. Когда он на другой день снова зашел к юноше, прием был более любезен. Минати был в недоумении: должен ли он ненавидеть этого человека, который некогда вырвал его из когтей смерти и обрек на это унижительное существование, или же любить это чудовище, избегнувшее, подобно ему самому, неумолимый закон? Чувство симпатии к карлику взяло верх и он показал ему свои изделия. Костяные иглы привели Куа в восторг. Кочующие торговцы уже как-то привозили их в область Сены, но ни за что не хотели сказать, в какой стране их производят.

Куа поздравил мастера и сказал, что племя яванов может гордиться таким достойным сыном. Но вдруг он остановился, пораженный изумлением: он уловил доносившиеся из глубины пещеры странные звуки, ему послышались тяжелые вздохи, вырывавшиеся из чьей-то груди. Он понял, что какая-то женщина находится совсем близко от них и подслушивает их разговор... Но он никак не мог догадаться, что это была подруга его детских игр.

— Мне в первый раз приходится слышать, что я гордость племени, — воскликнул Минати, когда Куа удалился. — Мать, отчего же твои глаза не светятся гордостью?

Он сознался матери, что чуть было не показал карлику свой лук и стрелы, и решил, что если завтра тот придет к пещере, он непременно скажет, что он именно и есть некогда спасенный Куа ребенок.

— Уж я себе представляю, каким головокружительным прыжком он выразит свою радость. Мать, что с тобой? Ты побледнела. Мне Куа кажется олицетворением доброты. Разве это не так?

— Да, это так, но он сын своего племени. А дух племени сильнее чувства доброты. Тебя могла спасти доброта двадцатилетнего юноши; мне в то время было пятнадцать лет. Но с тех пор прошло много времени и всесильный дух племени изменил его сердце. Сын, прошу тебя, не выдавай нашей тайны.

Легкий шум заставил их обернуться. Томимый смутным предчувствием, Куа вернулся обратно, сославшись на необходимость кое-что купить у Минати. Холодный поклон Таламары, успевшей придать своему лицу спокойное выражение, привел его в замешательство. После минутного колебания, он решил прибегнуть к хитрости. Притворившись, что он выбирает иглу, он дал волю своему языку и рассыпался в шутках, от которых Минати покатывался со смеху. Но его остроты, рассмешившие сына, не произвели никакого впечатления на мать. Она безучастно стояла в стороне и не разжимала судорожно сжатых губ. Призрак юной и беззаботной девушки с белокурыми косами заслонил перед карликом бледное и лихорадочное лицо женщины, в волосах ко-

торой уже серебрились белые нити. Он украдкой посмотрел на нее и тщетно искал в ее лице хотя бы смутные следы прошлого.

— Я тебе расскажу свою историю, юноша. Это, конечно, тайна. Но за те сорок лет, что я разгуливаю под ярким солнцем, она уже успела облететь зеленеющие берега Сены и с тебя не сдерут живьем шкуру, если ты расскажешь ее темной ночи.

Когда моя мать увидела, что за прелестное дитя шевелится возле нее на мху, она снесла его в лес и колыбелью ему выбрала дупло дерева. Дома она рассказала, что ее милое дитя унес медведь. Я тогда уже, видно, был маленьким чудом природы. Мать впоследствии часто рассказывала мне, что, лежа в дупле, я не пищал ни днем, ни ночью. Я терпеливо ожидал сумерек, когда мать приходила кормить меня грудью. Когда я научился ходить, она принесла меня в свое селение. Там немедленно начались приготовления к тому, чтобы торжественно свернуть мне шею. Но когда старейшина увидел, как я подпрыгиваю и кривляюсь, он чуть не лопнул со смеху, и это меня спасло.

Куа пристально посмотрел на Таламару и проникновенным голосом сказал:

— Я знаю еще одного ребенка, который в свое время избег сурового закона. Когда у любимой жены нашего вождя Нанак-Сангара родилось хилое дитя...

— Это был я! — выпрямившись во весь рост, сказал юноша.

Лицо карлика просияло. Он преклонил голову перед седой женщиной:

— Жаба по-прежнему твоя вещь, Цветок Шиповника, — обратился он к ней, назвав ее девичьим именем.

Она отняла руку от своего залитого слезами лица и нежно положила ее на голову Куа.

Глава V

Рассказ Жабы

Отсутствие охотников на мамонтов затянулось и нетерпение женщин росло. Каждое утро они взбирались на вершину холма, откуда в час восхода солнца открывался вид на высокую долину Везера. Оттуда они толпой отправлялись к пещере жреца-прорицателя. За мясо или за выделанную шкуру он соглашался вопрошать духов.

Забравшись в глубину пещеры, он в темноте испускал пронзительные вопли и стоны; вскоре он с блуждающим взглядом и перекошенным лицом, как будто с ним только что произошел эпилептический припадок, выходил оттуда и начинал рассказывать, что видела его душа, когда духи вознесли ее на крыльях выше гор. Вдохновенным голосом он изрекал, что охотники бредут по дремучим лесам, сгибаясь под горами мяса. Обрадованные женщины в порыве благодарности обещали ясновидцу много зерен белены и цветов цикуты, из которых приготавлился напиток, обладавший свойством привлекать в тело человека всеведущих духов.

Из осторожности, Куа стал реже приходить в мастерскую Минати. Он предпочитал спускаться по отлогому склону на площадку, где мальчики в возрасте от пяти до пятнадцати лет занимались упражнениями, развивающими ловкость и проворство. Каждый из них по очереди становился в начерченный на песке четырехугольник, сторона которого была длиной с человеческую руку. Наставник, удалившись шагов на двадцать, с силой метал в них камни величиной приблизительно с орех. Мальчики должны были увертываться от ударов, не выходя за границы четырехугольника.

В юношей старше пятнадцати лет, готовившихся быть воинами, метали камни два человека одновременно. Чтобы избежать их ударов, приходилось прыгать и изворачивать-

ся с быстротой молнии. Позже, вместо камней, метали и дротики с притупленными кремневыми наконечниками.

Поглядев на упражнения юных атлетов, Куа отправлялся в лес. Там его поджидала Таламара, а иногда и Минати. Куа хотелось знать все подробности их двадцатилетних страданий. Он в свою очередь рассказывал им важнейшие события, происшедшие в родном племени за время их отсутствия: были годы удачной охоты, пришлось пережить и тяжелые голодные годы. После оползня земли, вызванного необычайными ливнями, был найден пласт каменной соли; повальная болезнь опустошила в течение одного месяца целых три селения.

— Расскажи мне о моем отце, — попросил однажды Минати; Таламара же избегала всякого намека на эту страницу своего прошлого.

Карлик поведал им о злоключениях Нанак-Сангара, над которым, казалось, тяготело проклятие. Из семи детей, родившихся от трех его жен — ни один не выжил. Болезни, обвал в пещере, нападение стаи голодных волков, как бы объединившись, скосили одного за другим. Самая молодая из его жен потеряла рассудок, когда у нее на глазах хищный зверь унес пятилетнего сынишку. Без устали бродила она из пещеры в пещеру в поисках своего ребенка.

Другую жену откопали из-под обломков скал. Она до сих пор ходит на костылях, а трое ее детей погибли при обвале. Наконец, третья...

— Скажи, брат, — прервал его юноша, — мой отец все еще славный охотник? Мать столько рассказывала мне о его подвигах.

— Да, он и теперь силен, как буйвол, и неутомим, как конь. Ростом он на целую голову выше любого из своих воинов, но вместе с тем ловок, как белка, — гордо заявил гном. — Он на моих глазах голыми руками задушил медведя. Я видел, как он, преследуя быка, на бегу вскочил на него и коленями с такой силой сдавил ему ребра, что у того подкопились ноги и он тут же свалился. А однажды он еще при мне ударом топора разможил череп рыжеволосому ганни, а ведь у этих дикарей голова защищена густыми косами.

— И ты все это сам видел? — воскликнул Минати со сверкающими глазами. — Слышишь, мать!

Дух племени постепенно овладевал юношей и свирепые подвиги казались ему величественными. Но карлик озабоченно покачивал головой:

— Да, это истинный вождь. Но что поделаться, когда над ним тяготеет проклятие. Вот уже два года, как табуны лошадей, каждую осень спускавшиеся с Арденнских возвышенностей, изменили свой обычный путь и благодаря этому мясо стало редкостью в наших стойбищах. К тому же еще эти проклятые ганни, которых голод заставляет покидать леса, приходят к нам с Далекого Востока и, как стая голодных волков, делают набеги на наши селения.

Сорока, собиравшая в лесу хворост, заметила карлика и его собеседников, удалившихся при ее приближении. Ей захотелось обменяться шутками с уродливым весельчаком и она бросилась их догонять, но те в свою очередь ускорили шаги. Разозлившись, Сорока выбрала про себя Куа и Таламару с ее недоноском. Взяв на плечи вязанку с хворостом, она уже собиралась уходить, когда мимо пещеры прошла девушка. Сорока излила перед ней свою злобу:

— Угадай-ка, Кукушка, кого я только что встретила в лесу? Милашку Куа. Он собирал цветы вместе с той, знаешь, чужеземкой...

— Таламарой?

— Да, она самая. И интересно было бы послушать, как воркует влюбленный Жаба. Глядя на них, можно подумать, что они уже давным-давно знают друг друга.

— С чего ты это взяла? У тебя просто язык чешется. Ты ведь отлично знаешь, что Жаба впервые в нашей стране.

— А ты разве знаешь, откуда она явилась, когда в один прекрасный день свалилась нам на голову со своим уродцем, который вечно царапает кости? Помнишь, какая она была печальная? Ее тут же называли Источником Слез. Вот это стоило бы разузнать.

Вернувшись домой, Таламара уселась перед пещерой и принялась за очистку оленьей шкуры, натянутой на рамку из ветвей. Но ее кремневый скребок не выскабливал с обыч-

ной ловкостью прилипшие к шерсти мясо и жир. Оторвавшись на миг от беспрестанных забот о сыне, она думала о своем покинутом в зените славы и могущества муже, на которого теперь обрушилось столько бед.

Несмотря на то, что он сам вынес своему сыну смертный приговор и был виновником всех постигших ее бедствий, он пробуждал жалость в ее нежном женском сердце.

Начался дождь. Таламара вошла в пещеру в тот момент, как Минати вернулся с реки. Он принес с собой убитых гарпуном двенадцать крупных рыб.

Таламару беспокоила мысль, что дождь помешает ей увидеться с Куа. Юноше тоже хотелось задать карлику еще много вопросов о выдающихся подвигах отца и он предложил матери встретиться с ним у одной пещеры, служившей складом для дров.

Озабоченный вид друга детства беспокоил Таламару. Она извинилась перед ним за то, что заставила его прийти сюда под дождем. Он в ответ улыбнулся и покачал своей огромной взлохмаченной головой; ему приходилось выходить еще и не в такие погоды. Однажды, в снежную бурю, он охотился на мускусных быков.

Постояв несколько минут в нерешительности, он вдруг сжал свои огромные кулаки:

— Я только что чуть не задушил двух девушек за то, что они передо мной позволили себе шутить, связывая мое имя с твоим здешним прозвищем.

Таламара пожала плечами.

— Кто может запретить гиенам выть?

— Мой топор или мои пальцы, — проговорил рассвирепевший карлик, показав свои растопыренные пальцы.

— Мой друг, я поседела от вечных оскорблений и унижений.

Но не встреча с девушками была причиной гнева Куа. На самом деле, с тех пор, как он вновь нашел свою подругу детства и юности, его терзал страх, как бы кто-нибудь из бывших с ним послов рано или поздно не узнал ее.

— Я так изменилась... — с печальной улыбкой возразила она. — Даже ты, а ведь ты был мне чуть ли не братом, ко-

гда увидел меня седую, долго колебался, прежде чем назвать меня именем, которое я уже считала канувшим в вечность...

Он согласился с ней, что его товарищи могли свободно несколько раз пройти мимо нее и не узнать в ней жену своего вождя. Но если случится так, что кто-нибудь нарочно обратит их внимание на пришлую женщину или если злые языки, как это только что произошло с ним, возбудят их подозрение, то...

— Друг, будь с нами откровенен, — прервал его Минати. — Разве надо мной и над моей матерью еще до сих пор тяготеет неумолимый закон? Ведь целая человеческая жизнь прошла с того времени...

Куа хранил молчание.

— Друг, тебе нечего скрывать от нас, — настаивал Минати. — Мы мужественно слушаем тебя...

Тогда Куа заговорил торжественно и серьезно:

— Существуют яваны, которые, несмотря на прошедшие двадцать лет, еще до сих пор требуют вашей смерти в случае, если вас отыщут...

Таламара зашаталась, как от тяжелого удара, и прислонилась к лежавшему у пещеры обломку скалы.

— Вот видишь? — прошептала она из последних сил. — Ты мне не хотел верить.

— Нет! Я никак не мог поверить в существование такого бессмысленного и грубого закона, закона, пожирающего людей, — громко воскликнул юноша.

Куа объяснил, что в их племени большинство молодежи уже охвачено новыми веяниями. Но старики до сих пор упорно держатся за старые традиции расы. И они обвиняют Цвет Шиповника в том, что она своим преступлением навлекла на свое племя всякие несчастья. А молодежь, наоборот, обвиняет в тяготеющем над ними проклятии стариков. Это они потребовали умерщвления новорожденного и тем самым заставили юную мать бежать из их страны.

Желая показать, что он ничего не боится, Минати вызывающе спросил:

— Скажи, друг, какого рода смерть готовят мне мои судьи? Как-никак, а это ведь интересно.

— Сын мой, твои шутки режут меня по сердцу, — ответил огорченный этим вопросом карлик.

— Проткнут ли мне сердце копьём? Побьют ли меня камнями? Или сбросят с высокого утеса в море?

— Замолчи, мой сын. Пожалей свою мать.

Но Минати даже не повернул головы в ту сторону, где стояла с растерянным взглядом и искаженным лицом его мать. Сильно возбужденный, он крикнул:

— Ах, вот оно что! Я начинаю припоминать. Я знаю. Они мне переломают кости рук и ног и бросят меня в овраг, чтобы меня там живьем растерзали хищные звери. Правда? Я угадал? Скажи, друг!

Карлик жестом старался его успокоить, но Минати решительно лоложил ему руку на плечо и сказал:

— Я не яван. Поставленный вне закона моими соплеменниками, я знать не желаю их закона. Но если они потребуют моей крови или крови моей матери, то пусть придут ко мне. Они убедятся, что рука моя умеет посылать смерть. Пусть они придут сюда со своим законом.

Из долины, озаренной последними отблесками заходящего солнца, донеслось эхо охотничьих рогов. По всему селению слышались радостно перекликавшиеся голоса. Издали уже были видны стройные шеренги охотников на мамонтов. То-то пойдет пир горой!

— Мы должны быть осторожны и не возбуждать подозрений, — посоветовал карлик, покидая своих друзей и отправляясь навстречу охотникам.

По дороге домой Таламара с сыном встретили Славную Пичужку (Пивиту). Она спешила навстречу отцу.

— Хоть бы охота была удачная, — крикнула она на ходу.

Она заранее радовалась при мысли о празднестве, которое будет устроено в тот день, когда ей исполнится тринадцать лет и за которым последует, быть может, и обручение, если только отец принесет с охоты достаточно мяса.

Поравнявшись с пещерой, где были сложены дрова, она испуганно отскочила в сторону: из-за большой скалы у са-

мого входа внезапно показался силуэт человека. Несмотря на наступившую темноту, она узнала Сороку:

— Это ты, Сорока? Зачем ты здесь пряталась?

— Я снесла сюда вязанку хвороста.

— Ты врешь, Сорока. Никто так поздно не ходит за хворостом.

— Раз ты такая любопытная, то, так уж и быть, я тебе скажу, в чем дело. Мне хотелось знать, о чем воркуют прилетевшие к нам из чужих стран голубки. Да, скоро наше селение услышит новости...

Но проворная и подвижная Пичужка уже была далеко и ее хорошеньких ушек не достигло это таинственное обещание.

Она быстро спустилась по откосу. Население готовилось к празднествам по случаю возвращения охотников и в глубине долины уже виднелось пламя зажженных костров. Слышавшиеся издали звуки рогов разносились над долиной, становясь все громче и звучнее по мере их приближения; на холмах бизоньи рога громким ревом откликались на пронзительные взвизгивания буйволовых дудок.

В громозящихся друг на друга пещерах весело пылали яркие огни очагов и отбрасывали красноватые отблески в отверстия входов. Дети в такт ударяли камнями по большим кремневым клинкам, привешенным на тонких ремнях, извлекая таким образом чистые звуки, напоминавшие пение птиц. Поодаль ребяташки потрясали погремушками из кошачьих и рысьих черепов, насаженных на деревянные ручки и наполненных щебнем, издававшим при сотрясении музыкальный звон.

Наконец, за последним поворотом долины показались охотники. Их исполинские фигуры при свете смоляных факелов казались еще выше и шире. Женщины пронзительными криками выражали свою радость и гордость. Их лбы и носы с нежностью терлись о лбы и носы охотников. Наиболее влюбленные брали руки своих мужей и проводили ими по своим лицам и волосам.

Вскоре долина наполнилась острым запахом свежего мяса, жарившегося на ярких огнях очагов.

Глава VI

Священные пляски под дубами

Празднества, обычно сопровождавшие удачные охоты, начались через три дня после возвращения Виссили-Рора и его отряда. Охотникам нужно было отдохнуть, чтобы достойным образом подготовиться к предстоящим торжествам. Был призван жрец-прорицатель, ему было поручено узнать у духов, какой день будет наиболее благоприятным для церемоний.

Празднества начались омовением в водах Везера, но было еще до того холодно, что у охотников зуб на зуб не попадал и жены растирали их тела пучками душистых трав. Возвращаясь с Везера к своим пещерам, они заметили на вершине лесистого холма передовой отряд охотников за оленями. Звуки рога быстро разнесли хорошие вести по всем ближайшим долинам: Виссу-Уара, — великий покровитель охоты — выказал свое расположение яванам и все предвещало, что запасов вяленого мяса хватит до конца будущей зимы.

Придя в пещеры, воины принялись за свой туалет. Виссили-Рора никому, кроме Минати, не доверял украшения своей особы. Юноша, предупрежденный об этом еще накануне, отправился в пещеру вождя. Вооружившись палочками с очищенными от коры концами, он их обмакивал в красную, белую и желтую, разведенную на оленьей кости глину, и уверенной рукой выводил на ляжках и икрах вождя линии, образовывавшие узорчатую сетку.

На широкой груди вождя он нарисовал большой красный шар с расходящимися во все стороны лучами. На животе он вывел трех мамонтов, расположенных в виде треугольника. Лиласитэ с восторгом следила за бойкой кистью Минати и громко выражала свое одобрение:

— Знаешь, отец, мамонты совсем как живые, кажется, что их хоботы движутся.

Покончив с животом, Минати взялся за раскрашивание спины, для которой он придумал особенно интерес-

ный рисунок. Вдруг в пещеру вошел Юло. Быстро обратившись к вождю, он спросил:

— Не можешь ли ты одолжить мне на минутку этого мальчишку? Я тебе его сейчас же верну...

— Волку придется обойтись без Камыша, — сухо ответил Минати, вновь принимаясь за прерванную работу.

— Не беспокойся, я тебя сумею заставить, — крикнул рослый красавец-воин с угрожающим жестом.

Раскрасив спину вождя, Минати собрал свои принадлежности и, ловко увернувшись от удара Юло, выскочил из пещеры.

— погоди ты у меня, недоносок ты эдакий! — прокричал Юло.

Но Минати лишь злобно рассмеялся ему в ответ.

Воины, разодетые в меха, расположились в большом кругу, огороженном белыми плоскими камнями, тянувшимися между тремя огромными дубами. Болтливая, возбужденная толпа теснилась вокруг каменной ограды, а женщины даже становились на цыпочки, чтобы полюбоваться на гигантов и разглядеть, кто из них пышнее одет. Некоторые просто воткнули себе в волосы орлиные или лебединые перья, другие же устроили на голове пышные прически, откуда свисали беличьи шкурки, ожерелья из раковин или нанизанные птичьи клювы, издававшие во время плясок забавное дребезжание.

Вглядевшись прищуренными глазами сквозь молодую листву дубов и убедившись, что солнце достигло зенита, жрец подал условный знак.

Воцарилась мертвая тишина: все взгляды были прикованы к движениям его нагого тела, лишенного всяких украшений, кроме пояса из листьев вокруг бедер и повязки из змеиной кожи на челе.

Став в центре круга, жрец взял из рук своего помощника кубок, выдолбленный из кости мамонта, набрал в рот воды, которую затем выплюнул на все четыре стороны горизонта, а пятый к зениту, в честь духов Земли и Неба. Затем, развев по воздуху пять пучков мамонтовой шерсти, он обожженной ветвью начертил на земле пять концентри-

ческих кругов.

Несмотря на продолжительность церемонии, толпа хранит благоговейное молчание. Душистые травы, заранее положенные в выдолбленный ствол дерева, медленно тлеют от всунутых туда же горящих углей. Через отверстие, сделанное для тяги воздуха, жрец вдыхает выходящий оттуда едкий дым и выпускает его прямо в рот охотнику, стоящему перед ним на корточках. Он таким образом обходит весь круг охотников, повторяя эту процедуру сто раз.

Затем он уступает место десяти музыкантам, которые помещаются посреди огороженного камнями круга. Инструменты у них самые разнообразные: широкие кремневые пластинки, прикрепленные конским волосом к рамам из ветвей; черепа животных, где дребезжит щебень и, наконец, деревянные бруски. Правильно чередующиеся удары инструментов определяют ритм пляски.

Скинув свой плащ из буйволовой шкуры, Виссили-Ро-ра, согнувшись и почти касаясь руками земли, тяжелым шагом выступает вперед. Его туловище в горизонтальном положении, на слегка согнутых ногах, торжественно двигается по кругу. Одна рука его время от времени поднимается вверх, опускается, делает какие-то движения, подражая движениям хобота мамонта.

После вождя выступает другой охотник. Своей пляской он изображает взбешенного мамонта. Музыканты ускоряют темп. Бедрями охотник подражает движению позвоночника толстокожего животного; согнув ноги и упираясь кулаками вытянутых рук в землю, он бросается вперед, подымается на дыбы, мечется и испускает резкие крики, сохраняя все время ритм, диктуемый музыкой. В толпе проносятся шепот одобрения по адресу исполнителя.

Теперь наступает очередь другого воина — изобразить смертельно раненого мамонта. Он с необыкновенным реализмом воспроизводит мучительный прыжок животного, пораженного сильным ударом кремневого топора; затем он наглядно изображает, как истощаются его силы, подкашиваются ноги и виснет неподвижный хобот, как животное опускается на колени и как от последних вздохов агонии

конвульсивно вздрагивает его спинной хребет.

Изобразительные пляски затягиваются до вечера и возобновляются на другой и на третий день. Здесь проходят все виды животных, населяющих горы, доли и леса. Даже отвратительные гиены и прожорливые росомахи с карикатурными ухватками находили исполнителей. В промежутках между этим человек двадцать или тридцать охотников в общей пляске подражали животным, живущим стадами или табунами, как лошади и буйволы. Дикой захватывающей поэзией дышало мерное движение десятков обнаженных тел, ритмическим топотом босых ног попирали они землю и их нагие тела одновременно принимали нужные позы и с необычайной точностью проделывали одинаковые телодвижения.

Каждый вечер пляски заканчивались пиршеством. Огромные куски полусырого свежего мяса переходили с пламени костров в желудки воинов. Женщины извлекали из глубины пещер меха с медом, заботливо припрятанные еще с осени под густым слоем листьев и песку. Мед искрился и сверкал в почетных черепах, которые воины залпом осушали.

Везде ели и пили: у входа в пещеры, на площадках, под кожаными навесами сараев, построенных рабами по склонам гор. Женщины и дети с жадностью подбирали на блюдах из коры недоеденные участниками пиршества остатки мяса или недопитые в пьяном чаду капли меда, оставшиеся на дне мехов.

Куа был в угнетенном состоянии и пил мало. Правда, три дня празднеств доставили ему немало отрадных минут. Не боясь привлечь внимание своих товарищей, целиком поглощенных кутежом, или доставить материал для сплетни болтливым кумушкам, он теперь спокойно отправлялся каждый день в лес с Таламарой и вновь переживал пленительные часы давно ушедшего прошлого, когда при виде очаровательной богини, которую он сам с благоговением возвел на недосягаемый пьедестал, он забывал свое уродство и давал волю своей открытой душе пятнадцатилетнего юноши.

С другой стороны, он сгорал от нетерпения выполнить возложенную на него миссию и принести своему племени благоприятный ответ от яванов, главное же, возможно скорее отправить восвояси прибывших с ним послов, так как он боялся, как бы они случайно не столкнулись с бывшей женой их вождя.

Добрjak Куа дал волю своему воображению и строил грандиозные планы. Застав однажды утром на берегу реки Мина-ти в то время, как тот гарпуном бил форелей и головачей, он поделился с ним своими планами:

— Мне только нужно добиться дружеского союза между нашими племенами и тогда наступит конец всем вашим невзгодам. Я уведу тебя вместе с твоей матерью в нашу страну.

Юноша удивленно пожал плечами: их друг, очевидно, злоупотребил медовым напитком. Карлик изложил ему свои планы: успех его миссии может послужить наилучшим доводом в пользу беглецов перед вождем и старейшинами его племени. Положение их племени за последние двадцать лет все ухудшалось, но теперь, принесся благоприятные вести от яванов, он надеялся доказать, что с тех пор, как он нашел Цвет Шиповника — их племя вновь обрело расположение духов.

— Можешь быть уверен, что наш великий вождь будет горд своим сыном и сумеет защитить его от закона. Ведь оставили же меня в живых за мое уродство и кривляние. А ты со своими изумительными изобретениями, о которых мы даже и понятия не имели, пока ты их не придумал, как например твоими иглами для протыкания кожи, твоей лампой, заправленной жиром, — делаешь честь и возвеличиваешь наше племя и весь народ яванов. А ведь этот кусочек кости, который ты сумел так ловко зазубрить, что он глубоко впивается в рыбу — тоже кое-чего стоит.

Полные уверенности речи карлика заражали юношу энтузиазмом. Он весь пламенел при мысли, что его отец, этот знаменитый воин, примет его с почестями, и уже собирался открыть Жабе свое изобретение — согнутый прут, обладающий свойством метать смерть на расстоянии. Но в этот момент за карликом явился гонец: Виссили-Рора и совет ста-

рейшин изъявили, наконец, желание принять послов.

Предварительные переговоры происходили по обычному церемониалу. Великий вождь, опираясь на начальнический жезл, стоял у пещеры для таинств. Двадцать воинов, в числе которых были и старики, полукругом расположились вокруг него. Появился Куа со своими товарищами. Громко называя их имена и имена их отцов, он представил их, причем начал с самого старшего, Медвежьей Лапы, сына Безрогого Буйвола. Куа перечислял привезенные послами подарки по мере того, как его товарищи раскладывали их на земле. После того, как послы продефилировали перед Висили-Рора и его воинами и потерялись об их носы и лбы своими лбами и носами, все собравшиеся уселись на корточки.

Висили-Рора стал рассыпаться в похвалах своему далекому собрату, великому и могущественному воину Нанак-Сангара, и вновь перечислил его щедрые дары. Тут были глыбы соли, конские гривы, красящие глины, шкуры мускусных быков, прекрасные ножи, изготовленные из кремня с берегов Марны.

Куа, в свою очередь, превозносил высокие подвиги Висили-Рора и храбрецов с Дордони. Призывая в свидетели отца яванов, Бога Солнца, он торжественно объявил, что предпринял это далекое путешествие лишь с целью осведомиться о здоровье яванов с Дордони.

Неутомимо расточая при этом перлы красноречия, он был неиссякаем.

После целого часа комплиментов и разглагольствования, выслушанных с нескрываемым удовольствием, карлик приступил, наконец, к главной теме своего разговора. Он стал рассказывать про рыжих и волосатых ганни, народ, живший исключительно охотой на лошадей. С тех пор, как табуны лошадей избрали новый путь, уже два-три поколения ганни покинули леса Далекого Востока и осмеливаются проникать в селения яванов, расположенные на Сене и на Марне.

Он признался, что пришел от имени своих братьев с берегов Сены просить поддержки и помощи у яванов с Дордони, чтобы при их содействии раз навсегда загнать диких

ганни обратно в леса. Он кончил свою речь красноречивым призывом к братским чувствам племен, ведущих свое происхождение от Бога Солнца, который назначил их владыками земли и всей населяющей ее твари.

В ответ Виссили-Рора битый час рассыпался в громких и красноречивых фразах, пока, наконец, не дошел до признания, что слова проницательного Жабы были вполне справедливы. Он предложил наиболее почетным воинам высказать свое мнение по поводу заявления карлика. Переговоры приняли характер словесного поединка, так как каждому хотелось блеснуть своим ораторским искусством.

Лишь один старик из племени Дордони выступил с враждебной речью:

— Братья, нам не за что ссориться с рыжими и волосатыми ганни, покинувшими леса Далекого Востока. Каждый из нас должен защищать свою родину, а наша родина здесь. Разумеется, если ганни когда-нибудь придут сюда...

Ему не дали кончить, его прервал целый поток возражений. Следующие ораторы в один голос высказались за то, что все племена яванов обязаны поддерживать и помогать друг другу и что опасность, грозящая яванам с севера, может позже обрушиться и на яванов с юга, что их народ обязан своим превосходством над другими народами именно тому единодушию, которое царит между его отдельными племенами с тех пор, как красный шар солнца кружится в небесной лазури. Тогда Виссили-Рора призвал Виссу-Уара, великого духа покровителя, в свидетели того, что воины его племени, в случае надобности, выступают все, как один. Он закончил свою речь обещанием послать в скором времени депутацию к славным воинам племени с берегов Сены.

Куа торжествовал. Он уже видел осуществление своих заветных планов: скоро беглецы вновь обретут родину и вернутся под родной кров, под покровительство умиловленного закона.

Согласно обычаю, Виссили-Рора поднялся с места и в последний раз спросил собрание, рассмотрены ли и разрешены ли все вопросы.

Карлик почтительно поклонился и с его губ уже готов

был сорваться любезный ответ, но вместо этого прогремел чей-то голос:

— Великий вождь яванов с Дордони! Яваны с Сены просят тебя, чтобы ты передал в их руки Цвет Шиповника и ее сына, нарушивших закон народа.

Это Медвежья Лапа требовал выдачи двух беглецов. При этих словах Куа вздрогнул всем телом. Ужасное требование мигом развеяло в прах все его золотые мечты. Он оцепенел от ужаса и не слышал, что творилось вокруг него. Вождь хотел выяснить, к какой женщине относилось имя «Цвет Шиповника» и о каком преступлении шла речь. Послы с Сены разошлись в мнениях — одни были за, другие против этого требования; жители селения ничего не понимали в происходившем и требовали объяснений. А над всем этим шумом грозно поднимался голос обличителя:

— Они нарушили закон народа! Они нарушили закон народа!

Карлик очнулся от толчка. Опустив ему руку на плечо, Медвежья Лапа яростно призывал его в свидетели.

— Ты ведь знаешь, брат, что женщина, которая скрывается здесь под именем Источника Слез, нарушила закон предков и вызвала гнев богов.

Но ему не удалось кончить, так как в глазах гнома он ясно прочел себе смертный приговор.

Слегка согнув колени, Куа напряг свои бесформенные мускулы на руках и растопырил пальцы, задушившие не одного волка и медведя.

Виссили-Рора стал между ними и властно объявил, что совет старейшин соберется в священной пещере и там выслушает обвинителя и решит судьбу Таламары и ее сына. Направив свой жезл в сторону послов, он прибавил:

— Братья, вы будете иметь их головы, если таково ваше право.

Глава VII

Пещера богов

Сплетни Сороки подготовили почву для всеобщего негодования против Таламары и теперь, когда ее преступление казалось очевидным, ярости окружающих не было границ. После совещания послов страсти в селении разыгрались вовсю. Мужчины и женщины ожесточенно спорили у входов в пещеры, непримиримо настаивая каждый на своем.

Некоторые просто отрицали само существование закона, который, по их мнению, был смутным отголоском старины. Однако, когда им приводили достоверные факты удушения новорожденных, они соглашались, что во имя оздоровления расы можно оправдать истребление калек; что же касается Минати, то они решительно отказывались причислить его к этим уродам. Ведь не станет же никто отрицать, что он — единственный в племени — умеет гарпуном бить рыбу и лучше всех лазить по деревьям, преследуя белок и отыскивая мед.

Другие яростно поносили закон расы.

— Закон, повелевающий убивать новорожденных, — это закон убийц!

— Это закон дикарей!

— Благодаря этому закону, наверное, немало погибло людей, которые могли бы быть гордостью своего народа, — твердили они.

Эти рассуждения возмущали противников, утверждавших, что яваны, наиболее рослые и красивые представители рода человеческого, обязаны своей силой и ростом именно спасительному закону и что его, наоборот, надо всеми силами поддерживать и применять. На этой почве возникали бесконечные споры.

Одноглазый Конь, отец Пивиты, вернувшись с совещания, застал в своей пещере ожесточенную перебранку. Младшая из его двух жен с пеной у рта требовала смерти Тала-

мары, в то время как другая оправдывала Источник Слез за то, что она спасла свое дитя.

Они уже готовы были перейти в рукопашную, когда к пещере подошла Таламара. Согнувшись под тяжестью меха, наполненного водой, она возвращалась с реки. Ей вслед неслись презрительные насмешки кумушек и целой оравы мальчишек. Одноглазый Конь понял, что дальнейшее гостеприимство чужестранке может скомпрометировать его достоинство уважаемого члена племени и грозит миру его семьи. Поэтому, вытянув вперед руки, он как бы преградил Таламаре вход в пещеру. Она сразу поняла его жест, но, услышав насмешки приближающейся толпы, с бесстрастным лицом молча вошла в пещеру.

Обливаясь слезами, Пивита помогала ей собирать вещи и инструменты. В это время явился Минати. Он прорвался через толпу, скопившуюся на площадке у пещеры. Как и мать, он старался сохранить спокойствие, несмотря на кипевшую в нем злобу. Только мертвенно-бледное лицо выдавало его чувства. Когда Одноглазый Конь, уже раскаявшись в своем поступке, предложил помочь ему укладываться, он разжал губы и насмешливо произнес:

— Как ты думаешь, разрешат нам поселиться в пещере для дров вместе с пауками и летучими мышами?

В первую очередь юноша бережно привязал к поясу свою главную драгоценность — кишку лося, которую он после долгих трудов приспособил как тетиву для лука; затем собрал в вязанку прутья и стрелы, завернул все свои кремневые инструменты в звериную шкуру и, в сопровождении матери, несшей в мешке остальные пожитки, он вышел из пещеры. С гордо поднятой головой направился он навстречу толпе, откуда слышались бурные возгласы, то приветствовавшие их появление, то осуждавшие их на смерть.

Двое юношей настойчиво предлагали Таламаре нести ее узел с вещами; мальчишки кидали ей вслед горсти земли; тут же произошла драка между двумя мужчинами; женщины вцепились друг другу в волосы; огромного роста воин схватил за руку девушку, готовившуюся бросить камень в беглецов, но его резко остановил Юло.

— Посмотрите-ка на Черного Быка, он заступается за чужеземку и за ее мальчишку, который царапает по кости.

— А не угодно ли полюбоваться на Волка, который скалит зубы на беззащитную женщину и безоружного мужчину? — раздался в ответ громовой голос Жабы, пробиравшегося через толпу. Несмотря на свой карликовый рост, он смерил грозным взглядом рослого красавца Юло.

— Ты не яван, яваны не оскорбляют женщин. Яваны никогда не были негодьями и трусами.

— Вот это хорошо сказано! — раздалось шумное одобрение охотников.

— Маленький Жаба, ты обладаешь благородным сердцем вождя! — крикнул кто-то из толпы.

Понемногу толпа стала расходиться. Осталась лишь кучка женщин, переругивавшихся между собой. Подняв с земли камень, Куа пригрозил им:

— Гиены! Шакалы! Прочь с дороги, вонючки!

Придя к пещере для дров, Минати начал там располагаться и укладывать в угол свои прутья. Мать его, окончательно обессиленная, опустилась на кучу хвороста. Закрыв лицо руками, она старалась заглушить рыдания.

— Бедняжка Шиповник... Цвет моих детских радостей. Бедненький цветочек, который дрожит и стонет под напором злых ветров.

Опустившись перед ней на колени, гном с благородным сердцем вождя взял ее руку и нежно гладил ее своими уродливыми лапами. Он тщетно искал слов утешения; с уст его срывались лишь слова, полные поэзии, и голос его произносил их, как гимны любви.

— Твои слезы падают на мое сердце и причиняют ему боль. Прислушайся к голосу своего раба, чью душу истерзала мысль о тебе, цветок моих радостей и печалей.

Приподнявшись, Таламара вытянула руку и с благодарностью погладила его огромную голову.

— Что же делать? — пробормотала она. — Мне остается только плакать.

Воспламененный радужной надеждой, Куа энергично протестовал. Он считал, что еще не все потеряно. Он ска-

зал, что после совещания он старался узнать мнение своих товарищей и понял, что большинство из них были против обвинения. Кроме того, он только что посетил Виссили-Ро-ра и тот тоже недоволен поведением Медвежьей Лапы.

Обратившись к Минати, он поделился с ним некоторыми подробностями своего посещения:

— Его дочь присутствовала при нашем разговоре. Эта славная девушка не постеснялась высказать все, что у нее на душе. Если бы Медвежья Лапа послушал, что она говорила о нем, кровь в его жилах превратилась бы в яд, несмотря на то, что он так силен в магии.

В пещеру вошла Пивита. Она принесла кусок жареного мяса на блюде из коры: его тайком прислала беглецам ее мать. Девушка опустилась на колени перед Таламарой и, взяв ее руки в свои, медленно провела ими по своему лицу.

Эта трогательная сцена укрепила надежды Куа.

— Вот видите! У вас еще остались друзья. Ну, полноте! Побольше мужества! Да покровительствуют вам добрые духи!

— Брат мой, — сказал Минати, подняв к нему свое бледное лицо, — я буду силен, что бы с нами ни случилось. Я ведь не новорожденная лань и не дам себя заколоть.

Несколько позже, когда Жаба добрался до пещеры для тайнств, там у входа уже дожидались человек двадцать воинов и дружески беседовали между собой. Согласно обычаю, совещание должно было начаться не раньше, чем солнце скроется за высокие холмы. Стоило кому-нибудь из запоздавших воинов приблизиться к пещере, как присутствующие стремительно бросались ему навстречу и старались склонить его на свою сторону. Одни стояли за закон расы и восторженно превозносили его, другие — против, и с не меньшей страстностью порицали его.

Наконец жрец, наблюдавший за тем, как солнце садилось за лесистый холм, сделал вид, будто он открывает вход в пещеру. Доступ туда с незапамятных времен был воспрещен еще не посвященным юношам и женщинам. Он поднял круглый камень, лежавший на одном из обломков скалы и уже заранее отодвинутый в сторону, и, повернувшись спи-

ной к солнцу, перебросил его через правое плечо в знак почтения к божественному отцу яванов — Солнцу.

После этого он первым во главе вереницы воинов углубился в проход, столь низкий и узкий, что они касались скал лбами и локтями. Ощупью пробирались они по направлению к светильнику, горевшему, казалось, где-то в недрах земли. Но дальше ход внезапно расширился и привел их в помещение, где горели несколько заправленных жиром светильников. Их отблески освещали фантастические росписи на стенах и на потолке, изображавшие всех населяющих землю животных.

Процессия в благоговейном молчании пересекла эту залу и начала спускаться вниз, где ноги увязали в грязи. Этот ход заканчивался расселиной, слишком узкой для того, чтобы человек мог ее пройти прямо. Горевший там светильник освещал лишь нижнюю часть хода, не выше уровня человеческого роста. Жуткий мрак, стущаясь над склоненными головами охотников, таил в себе ужасы.

По этому ущелью воинам пришлось подвигаться боком и с осторожностью пробираться по огромным камням.

Дальше они вброд перешли небольшую речку. Наконец, их взору открылся широкий и ровный коридор. Стены его были украшены изображениями целых стад буйволов, мамонтов и лошадей. Жрец вывел их в просторную залу, где свободно могли поместиться сто человек. Высокий потолок, вдвое превышавший рост человека, был украшен силуэтами животных, высеченных на камне и обведенных коричневыми линиями, выделявшими рисунок и делавшими его еще рельефнее. В тех местах, где стены были лишены украшений, зловеще выделялись красные отпечатки человеческих рук, — таинственные памятники целых поколений посвященных.

Когда все, усевшись на корточки, образовали круг, жрец на условном, непонятном простом смертным языке воззвал к духам. То было священное наречие, искусственно построенные слова которого произносились с протяжным напевом.

Великий вождь открыл совещание на этом же языке и монотонным певучим голосом произнес:

— Медвежья Лапа, сын знаменитого охотника, Безрогого Буйвола, требует у храбрых воинов с Дордони крови двух человек. Эти люди уже скоро три года, как нашли себе приют у племени с Дордони. Они нарушили закон расы... Так ли я говорю, Медвежья Лапа, сын Безрогого Буйвола?

— Да, так, — нараспев ответил обвинитель и стал певучим голосом долго рассказывать все обстоятельства дела. Когда он кончил, Виссили-Рора предложил всем присутствующим высказать свое мнение по этому поводу. Воины вначале заговорили торжественно и певучим тоном, сохраняя при этом строгое и бесстрастное выражение лица. Но в спертом воздухе подземного храма страсти быстро разгорелись и, сами того не замечая, они перешли от священного наречия на обыкновенный язык и вместо закругленных, приносимых нараспев фраз стали просто кричать.

— Братья яваны! — воскликнул Куа. — Я утверждаю, что это несправедливый и дикий закон. Наша раса должна обратить свои взоры на будущее, а не оглядываться на прошлое. Очень достойно чтить память предков, но опасно принимать все, что они оставили нам в наследство. Перед вами живой пример. Посмотрите на груандисов. Они живут точно так же, как жили их предки во времена Вечной Зимы. И именно потому, что они не изменили своих обычаев за то время, как мир изменил свою поверхность, они и превратились в людей-зверей, за которыми яваны охотятся в лесах. Из этого следует, что нечего оглядываться назад: закон, казавшийся мудрым вчера, может оказаться дурным и несправедливым сегодня.

Речь Куа заслужила бурное одобрение. Виссили-Рора дал понять, на чьей стороне были его симпатии, заметив, что обвиняемые с тех пор, как живут среди их племени, не нарушили ни разу ни одного из его законов.

— Если мы выдадим голову Минати, — заметил кто-то из присутствующих, — кто же будет нам тогда изготавливать иглы? Кто будет выделять нам застежки? Кто будет вырезать на медвежьих зубах приносящие счастье магичес-

кие изображения?

— Правильно! Кто, в самом деле, будет это все делать?
— подхватили человек двадцать.

Но Медвежья Лапа продолжал упорно стоять на своем, напирая на благоговейно поддерживаемый яванами культ предков. Он доказывал, что преступление Цвета Шиповника вызвало недовольство теней усопших и что с тех пор их проклятие тяготеет над племенами яванов с Сены, и это проклятие распространится в конце концов и на яванов с Дордони, если они перестанут соблюдать заветы прародителей.

— Братья, боги, являющиеся нашими предками, требуют крови этой женщины и этого мужчины. Горе вам, если вы их не удовлетворите. Они отвернутся от вас и отдадут вас во власть населяющих землю и воздух злых духов, которые обратят вас в зверей, и тогда придут другие люди и съедят ваше мясо, а из вашей кожи сделают себе пояса.

— Боги нам покровительствуют, — неуверенно прошептали воины дрожащими от ужаса голосами.

Куа понял, что грозные речи обвинителя произвели сильное впечатление на наивных людей и хотел шуткой рассеять навешанный на них страх.

— Дружище Медвежья Лапа, хорошо пугать младенцев, что их обратят в улиток.

Но на его смех откликнулось лишь эхо подземных сводов.

Замогильную тишину резко прервал голос старейшины послов:

— Братья! Было время, когда яваны, Сыны Солнца, были единственными владыками гор и долин. Лишь изредка встречали они беглых груандисов. От востока до самого запада властвовали они над миром. Они не знали ни гроньо, пожирателей тюленей, ни питающихся кониной ганни. Они тогда поклонялись Солнцу и каждый год приносили ему в жертву самых прекрасных девушек своего племени, чтобы оно делало их своими женами. Но мягкосердечные люди надумали вместо белокурых девственниц закалывать груандисов. С тех пор наш отец, живущий в небесной лазури, отвер-

нулся от нас. Из-за морей появились пожиратели тюленей и из дремучих лесов далекого востока вышли питающиеся кониной ганни.

Возбужденный, сопровождая свои обличительные слова грозными жестами, он в упор спросил жреца:

— Ты, знакомый с заветами старины, Расскажи им, где праздновалось обручение Солнца...

Жрец протянул руку по направлению к середине пещеры, где виднелись запекшиеся темно-красные лужи.

— Расскажи им также, почему наши предки оставляли след своих рук на стенах.

— Они их обмакивали в кровь невесты.

— Братья! Вы слышите то, что говорит вам жрец. Яваны с мужественным сердцем выбирали самую прекрасную девушку, приносили ее сюда и укладывали ее на камень. Под ударами священного ножа ее душа подымалась к Солнцу, и воины омывали свои руки в ее крови, чтобы запечатлеть на этих стенах доказательство своего благочестия. Вот что делали наши отцы в ту пору, как яваны властвовали над миром. А вы? Вы колеблетесь принести в жертву женщину и ее сына, нарушивших закон предков и накликавших на нас проклятие богов. Духи-покровители говорят моими устами. Это они требуют крови преступников.

На несколько минут воцарилась мертвая тишина. Каждый слышал биение своего сердца. Тогда медленно поднялся Виссили-Рора:

— Братья! Что же? Да будет так?

Большинство присутствующих встали и в один голос торжественно произнесли:

— Да будет так!

При слабом свете мерцающих светильников тени поднявшихся с мест воинов достигали высоких сводов пещеры, задевая громадные изображения мамонтов и буйволов. Казалось, на стенах ожили кровавые следы рук великих предков и как бы готовились покинуть серую скалу.

Глава VIII

Суд народа

Женщина неслышными шагами движется среди костров. Языки пламени пляшут и мерцают за колеблемой ветерком дымовой завесой, то показываясь, то исчезая, как блуждающие огоньки.

Время от времени ночную тишину прорезает и наполняет грозное рычание и эхо подхватывает его зловещие раскаты. Это ужасающий рев льва, от которого цепенеют косули в лесной чаще. Рычит и исполинский медведь в яростной схватке с диким кабаном; стая голодных волков воет и прыгает вокруг сбившихся в кучу буйволов. Отрывистые хриплые звуки, переходящие в неистовый хохот, выдают присутствие гиен.

Быстрыми шагами, преодолевая свой страх, идет в темноте ночи Лиласитэ. Правда, в одной руке она держит три вороньих пера — могущественный талисман против бродячих душ, а в другой у нее кожа гадюки — лучшее средство при встрече с злыми духами, — но девушке никогда еще не приходилось бродить в темноте и, как все яваны и яванки, она боится ночи, населенной неведомыми силами.

Чтобы решиться в столь поздний час выйти из дому, девушке пришлось сделать над собой нечеловеческое усилие.

Вернувшись с совещания, ее отец рассказал все, что там произошло, горько сожалея о принятом решении. Долго ворочалась она без сна на своем ложе из сухих папоротников. Она думала об участи несчастной женщины, вынужденной ужасной смертью искупить свою самоотверженную материнскую любовь. Перед глазами Лиласитэ вставало тонкое и бледное лицо юноши, из чьих уст часто слышались непонятные другим людям слова.

Под влиянием этих мыслей ее нежное сердце вдруг наполнилось отвагой и вот она очутилась ночью одна в лесу, храбро пробираясь между растущим по склонам гор кустарником и не обращая внимания на колючки, до крови цара-

павшие ее босые ноги. С трудом, наконец, разыскала девушка пещеру для дров. Она не была освещена и ничто на первый взгляд не выдавало в ней человеческого присутствия, кроме груды прутьев, закрывавших вход.

Лиласитэ подошла ближе и напряженно прислушалась.

— Сестра моя!.. Таламара!.. — робко произнесла она.

Она уловила еле слышный шум. Ободренная, она, не входя в пещеру, назвала свое имя.

— Это я, Лиласитэ.

— Чего тебе надобно, милая девушка, от двух несчастных? — раздался изнутри голос Таламары.

Но Минати, услышав голос Лиласитэ, быстро разобрал прутья, закрывавшие вход, и принялся раздувать тлеющую головешку, чтобы зажечь об нее светильник.

Нагнувшись к Таламаре, лежавшей на ложе из листвы, молодая девушка взяла ее руку и потерлась о нее лбом.

Усевшись, она по порядку рассказала все, что ей было известно: горячие споры в священной пещере, блестящую речь Куа, торжество обвинителя и, наконец, приговор...

— Я не ожидала ничего другого, — разбитым голосом произнесла несчастная женщина.

— Волки жаждут крови, — пробормотал сквозь стиснутые зубы Минати.

— А также и боги, дитя мое, — простонала мать. — Значит, я действительно оскорбила богов, раз это утверждает весь народ.

Ужасный удар совершенно лишил ее сил сопротивляться и она уже готова была безропотно подчиниться своей участи. Минати же, наоборот, разгорячился.

— Боги приказывают чтить жизнь, которую они сами же вдохнули. Закон, который ты нарушила, есть лишь человеческий закон. Ты оскорбляешь именно теперь богов, когда говоришь, что они жаждут крови.

Видя, что она робко смирилась перед его гневным порывом, он мягко продолжал, нежно проводя рукой по ее голове:

— Прошу тебя, мать, не говори мне больше, что весь народ против нас. Видишь? К нам пришла сама дочь велико-

го вождя. Чтобы принести тебе слова надежды и утешения, она презрела ночную тьму. Посмотри, мать, как колючки оцарапали ее руки.

В глазах Лиласитэ появились слезы и повисли на ее длинных ресницах, а губы произносили слова надежды, которых так страстно ждал Минати.

Выйдя из священной пещеры, ее отец имел тайное совещание с Куа и с несколькими своими друзьями. Арва-Палаке, самый старый мужчина племени, велел принести себя туда на носилках.

— Он лучше всех знает заветы племени и уверяет, что уже с незапамятных времен смертный приговор имели право выносить только народные собрания и что такие дела должны обсуждаться открыто.

Руководясь этим обычаем, Виссили-Рора предполагает созвать народ с тем, чтобы обвиняемые могли сказать что-нибудь в свое оправдание. Но дочь вождя сама придавала мало значения этой последней попытке и умоляла своих друзей бежать, пока они еще были на свободе и могли располагать собой.

— Завтра, быть может, — уговаривала она, — будет уже слишком поздно.

Таламара отрицательно покачала головой: силы ее совершенно истощены и она предпочитает на месте ожидать исхода событий, которому решила подчиниться. Минати же, напротив, признался, что он уже думал об этом выходе и уже примирился с ним. Он еще колебался, так как чувство гордости боролось в нем с благоразумием.

Вдруг у входа в пещеру обрисовался уродливый силуэт. Это был Куа. Но куда девались его прежняя живость и веселье? Унизительное для его самолюбия поражение на совещании, казалось, придавило его и еще уменьшило его рост. Он почти ползком добрался до лежавшей Таламары и как будто пришел к ней вымаливать себе прощение.

Но, не желая терять попусту слов, он даже не пытался объяснить ей причину своей неудачи. Из тайного совещания с Виссили-Рора и его друзьями он вынес убеждение, что Таламара и ее сын поступили бы предусмотрительно, если

бы они хоть на несколько дней скрылись в леса. Что же касается народного собрания, то оно не внушало карлику никакого доверия; он опасался фанатизма Медвежьей Лапы и его влияния на наивное воображение яванов. Куа в коротких словах высказал им решающий довод: исчезновение обвиняемых пришлось бы на руку вождю и он мог бы ускорить отбытие послов, не вызывая подозрений в пристрастии.

Но Таламара была в таком состоянии, что нечего было и думать о том, чтобы отправить ее среди ночи. И было решено, что Минати один, захватив с собою немного мяса и шкур для подстилки, должен немедленно отправиться в путь. Предполагалось, что он дойдет до источника Мезэ, находившегося в трех часах пути от селения. Там было множество пещер, где охотники нередко находили себе приют. На заре мать, сопровождаемая надежным проводником, последует за ним.

Рассвет наступил очень быстро. Утренняя заря окрасила пурпуром небо и в лазури показался золотой шар, а несчастная женщина все еще была в состоянии какого-то оцепенения. К чему все это? Зачем? Неужели она за двадцать лет безуспешной борьбы со злым роком не имеет права почувствовать усталость? Пусть лучше свершится судьба. Теперь, когда ее сын был вне опасности, ей нечего больше беспокоиться о проклятом законе.

Внезапно долины огласились хриплыми звуками бизонных рогов, созывающими народ к трем дубам. Вскоре у входа в пещеры появились какие-то подозрительные люди. Несчастливая женщина, поддерживаемая с одной стороны Лиласитэ, а с другой Пивитой, последовала за ними. Карлик смотрел вслед удалявшейся Таламаре и на глазах у него блеснули слезы.

Ее привели к трем дубам и вытолкнули на середину круга, окаймленного гладкими камнями. Она была почти в беспомощности и все происходящее представлялось ей дурным сном. Обвинитель кричит и визжит; голос Жабы звучит, как труба. В толпе раздаются неистовые вопли и смешиваются с мольбами. Но Таламара не слышит ничего. Ее допраши-

вают, она не отвечает.

— Женщина, что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Вы разве не видите, что она потеряла рассудок?

— Женщина, ты бы хоть сказала, что сожалеешь о содеянном.

— Боги жаждут ее крови и плоти от ее плоти.

— Женщина, пойми, что дело идет о твоей жизни и жизни твоего сына. Отвечай же! Скажи что-нибудь в свое оправдание.

...О жизни твоего сына!.. Ее оцепенения как не бывало. Она как бы очнулась от внезапного толчка. С трудом переводя дыхание, она глухим голосом произносит:

— Жизнь моего сына...

— Женщина, прислушайся к моим словам. Я, Виссигил-Рора, сын Панда-Уле, великий вождь, избранный племенем с Дордони и справедливый муж, я тебе приказываю, чтобы ты защищала свою жизнь и жизнь твоего сына, и вот я тебя спрашиваю...

Как разъяренная тигрица, выпрямилась она в своих лохмотьях:

— Кто смеет коснуться моего мальчика? Вы, с вашим законом? Тем самым, пожирающим людей законом, который я нарушила. Ну, так вот! Я перед вами. Я явилась на расправу. Что ж! Переломайте дубинкой мои кости и бросьте меня в овраг на съедение гиенам. Но запрещаю вам трогать мое дитя, дикие яваны, купающие своих богов в человеческой крови.

— Она заслуживает, чтобы ее убили на месте!

— Ее надо убить вместе с ее недоноском! Они позорят расу!

Несмотря на град оскорблений, она гордо подымает голову и глаза ее загораются:

— Безумцы! Он — гордость расы. А вы его отвергаете и преследуете. Благодаря вещам, которые выходят из его головы и которые изготавливают его руки, слава о вас донеслась до самых берегов синего моря и выше гор, где обитают орлы.

— Отцы наши прожили и без его выдумок!

— Боги требуют его смерти!

— Боги вдохнули в него свою творческую силу. Не прикасайтесь к божественному дыханию. Читите сосуд, в котором оно заключено, яваны. Вы — гиганты, но мой сын гигант из гигантов.

— Хорош гигант со своей девичьей фигуркой! — раздались насмешливые голоса.

— Среди нас не место недоноскам! Совершенство расы — наше лучшее наследие.

Одним прыжком Жаба очутился в центре круга, усеянного золотыми бликами солнечных лучей, проникших сквозь густую листву дубов. Гордо подбоченившись, он крикнул:

— Братья! Я самый уродливый из людей. Если где-нибудь под небесами существует уродливое существо, то оно перед вами. И меня мать моя вырвала из рук безжалостного закона. Я готов сразиться на топорах, копьях или мечах с каждым, кто посмеет сказать, что, отказавшись задушить меня, мать оскорбила этим богов. Великий охотник Куа, сын Львиного Когтя, убил четырех мамонтов и десяток медведей. Видите мои руки? Они даже не в состоянии сосчитать, сколько ими задушено волков и гиен. Куа, сын Львиного Когтя, сделал на рукоятке своего боевого топора двенадцать зарубок и может пить мед из двенадцати черепов убитых им ганни. Но сын этой женщины в двенадцать раз выше сына Львиного Когтя, Куа, который участвует во всех совещаниях своего племени, несмотря на то, что он нарушил закон расы.

Никто не посмел противоречить карлику; его глаза горели, как у волка, и он потрясал своими огромными ручищами, готовый задушить каждого, кто возразит ему. Но вопли толпы выдавали ее страх.

— Мы не хотим, чтобы на нас тяготело проклятие богов!

— Пусть мать и сын кровью смоют свое преступление!

— Надо уважать закон!

— Пусть их предадут в наши руки!

Женщины уже готовились перелезть через каменную ограду и схватить Таламару. Но вождь одним движением своего жезла вовремя остановил их. В толпе поднялся невообразимый шум. Вдруг чей-то голос громко крикнул, что

Минати сбежал и что охотники видели его прячущимся в лесу. Это известие вызвало среди присутствующих взрыв негодования, еще усиливаемого поведением матери. Радостная улыбка осветила ее лицо, когда она узнала, что погибнуть придется ей одной.

Внезапно за оградой раздались торжествующие крики: из кустов медленно вышел Минати с гордо поднятой головой. Не дождавшись матери, он вернулся обратно. Мужчины, набросившиеся на него, невольно отступили, не выдержав его взгляда. Но Юло схватил его за шею и грубо толкнул на середину круга.

— Мы недурно поохотились, — пошутил он. — Вот он, беглец.

Несмотря на мольбы Лиласитэ, тщетно взывавшей к жалости женщин, и на то, что карлик яростно потрясал своими огромными кулаками, толпа готова была растерзать юношу. Лишь вмешательство Виссили-Рора спасло его от дикой расправы.

Внезапно резкий, как удар бича, голос Юло нарушил воцарившуюся на несколько минут тишину:

— Полюбуйтесь-ка на недоноска, в которого боги вдохнули свое дыхание...

Но голос матери заглушил раздавшийся в толпе хохот:

— Вы убиваете самого великого из яванов, человека, которого боги наделили могущественной силой метать молнии. И вы за это будете прокляты до скончания веков.

В тот момент, как она произнесла эти загадочные слова, толпа увидела, как Минати быстро снял с себя подобие тонкого ремня, служившего ему поясом, и привязал его к обоим концам прута. Толпа жадно ловила каждое его быстрое и уверенное движение, не обращая внимания на жесткий блеск его глаз и на судорожное подергивание его челюстей. Затем он вынул из-под своей туники из оленьей шкуры палочку с костяным острием, что-то вроде игрушечного дротика, и приложил его к ветке. Это было все.

Внезапно в воздухе что-то просвистело. Раздался душевраздирающий крик, от которого у собравшихся кровь застыла в жилах. За этим криком последовал торжествующий воз-

глас. Все взоры обратились туда, откуда раздался нечеловеческий вопль. Великан Юло судорожно взмахнул руками и тяжело обрушился на землю с кровавой пеной на губах; во лбу, между глазами, у него торчала палочка с белым наконечником.

Все были так ошеломлены, что и не заметили, как человек, мечущий молнии, быстро перепрыгнул через ограду и скрылся в кустах.

Трепетный ужас овладел присутствующими. Воцарилась ничем не прерываемая мертвая тишина. Птицы и сверчки, и те, казалось, приумолкли, так как в траве и в листе не слышно было ни малейшего шороха. А гиганты-яваны все еще стояли, как прикованные, и не трогались с места; с отвисшей челюстью, они, широко открытыми глазами, уставились на распростертого перед ними на земле воина, которого уложила неведомая сила. И некоторым стало понятно, что человек, умеющий на таком расстоянии метать смерть, должен был в самом деле быть избранником богов.

Вдруг все вздрогнули от резкого смеха. Так смеются одержимые. Таламара, в внезапном припадке безумия, поднялась и, приплясывая, пошла по кругу. Она при этом пела. Она пела о своей несчастной жизни, о любви к своему ребенку, и ее босые ноги медленно двигались в такт ее исполненной печали импровизированной песне. И под звуки песни она плясала танец ненависти перед испускающим последний вздох Юло.

— Подымись, гигант Юло, встань! Не обагрят ты землю своей кровью. Твоя сила мамонта улетела в один миг! Ах, твоя сила мамонта! Гиены и шакалы будут драться за твои кости. Ах! Гиены и шакалы...

Уставившись глазами в землю, потрясенная толпа расходилась в полном молчании. Они боялись поднять головы, так как на потемневшем небе, казалось, были начертаны зловещие предзнаменования.

Никто не посмел обернуться на продолжавшую петь обезумевшую женщину, и зловещие звуки ее песни смешивались с трогательной мольбой Куа:

— Приди в себя, Шиповник! Опомнись, мой цветок!

Глава IX

Месть богов

Религия яванов, первая из первобытных религий, признавала существование загробной жизни и потому трупы покойников не бросались на съедение хищным зверям, как это делалось жившими до них в Европе другими народами, а торжественно предавались земле. Похороны великого воина или малого ребенка происходили у них по установленному традиционному ритуалу в зависимости от возраста, пола и положения покойника.

Вечером после убийства, родственники мужского пола перенесли труп Юло в пещеру, где жила его семья. Там женщины хлопотали у очагов, поджаривая в огромном количестве свежее или копченое мясо, рыбу и корни. Мать и сестры покойного встретили траурную процессию пронзительными криками, которые слышны были по ту сторону холмов.

Целый час нараспев причитали они над трупом Юло:

— Ох! Юло! Юло! Великий воин! Какую богатую добычу приносил ты нам!

— Ох! Юло! Юло! С каким грузом мяса возвращался ты с охоты на мамонтов...

— Ох! Юло! Юло! Кто мне теперь будет приносить мозги из голов и костей животных?..

Покончив со стряпней, женщины начали обряжать покойника. Они прежде всего натерли его тело душистыми травами, после чего уже братья и родичи покрыли его с головы до ног красной мазью, приготовленной из окиси измельченного в порошок железа. Затем труп расположили на ложе из звериных шкур у самого входа в пещеру, а под голову подложили круглый каменный валик из красного песчаника. Руки были согнуты так, чтобы кисти касались плеч. Лоб украшало ожерелье из красных раковин и такой же браслет охватывал правую руку. Искусно выделанные пластинки из красноватого кремня были положены на грудь.

Вскоре, узнав, что все готово, стали собираться друзья. Мать и сестра Юло, спокойно занимавшиеся хозяйственными делами, встретили пришедших душераздирающими воплями, которые стоном отдались в холмах, и стали воспевать славу покойного. Они, однако, не затягивали слишком долго своих причитаний, так как надо было принимать гостей.

Гости уселись на корточках вокруг тела у входа в пещеру. На одной стороне сидели женщины, а на другой мужчины. Доверху наполненные мясом и корнями блюда из коры переходили из рук в руки; мед пили из небольших деревянных кубков. Ежеминутно приходили новые гости, извещенные о несчастье пронзительными криками матери и сестер. Так как уже наступила ночь, то посетители освещали себе путь головешками, которые они, приходя, втыкали в пепел находившихся в пещере очагов с тем, чтобы, уходя обратно, захватить с собой. Хозяйки сейчас же приносили вновь пришедшим угощение.

Пиршество продолжалось всю ночь. Сбившись в кучу возле покойника, мужчины рассказывали друг другу свои охотничьи приключения; другие громко храпели.

Предварительный обряд, совершающийся за год до окончательного погребения, состоялся на следующий день, после полудня.

С самого утра дул северо-восточный ветер, внушавший ужас населению. Он подымал целые облака белой пыли, от которой пересыхало горло, распухали железы и жгло в глазах. Этот ветер показался яванам дурным предзнаменованием.

Печальный обряд похорон начался с общей пляски воинов. Головы воинов были прикрыты деревянными масками, изображавшими уродливые лица или звериные морды. Во время пляски воин в маске волка — символ покойного Юло — так неудачно поскользнулся, что упал навзничь прямо на мертвеца. Все задрожали от ужаса при виде этого невольного кощунства: еще одна дурная примета.

Танец уже подходил к концу, когда произошло такое невероятное происшествие, подобного которому не запомнил никто из жителей селения. Огромный кабан, обезумевший

от укуса хищного зверя, вероятно росомахи, так как кровь сочилась у него только на затылке — стремительно выскочил из чащи и камнем скатился по откосу. Быстро поднявшись на ноги, он одним толчком растолкал двинувшееся из пещеры траурное шествие, растоптал оказавшееся у него на пути тело Юло и медленным шагом скрылся в кустах.

Один из старцев дрожащим голосом заметил, что это, наверное, груандис, так как эти дикари умеют превращаться в диких кабанов. И появление огромного зверя было истолковано как дурное предзнаменование, как предвестник восстания дикарей.

По обычаю полагалось, чтобы в тот момент, когда пятеро родичей приподымают покойника, женщины начинали голосить свои причитания. И в данном случае, прославив подвиги убитого охотника, они стали поносить убийцу. Но несколько человек, к которым вскоре присоединилась вся толпа, остановили поток проклятий:

— Сестры! Во имя богов!..

— Не произносите этого имени!..

— Горе нам! Мы изгнали того, кто мечет молнии!..

Мужчины, несшие тело, боязливо ускорили шаги, и по откосу быстро поднялись в лес. Там, у самого муравейника, они положили тело и нагромодили на него тяжелые камни. Через год, когда бесчисленные полчища муравьев дочиста обглодают останки, скелет покроют красной краской и вместе с оружием, украшениями покойного и подношениями из съестных припасов, которые ему пригодятся в будущей жизни, торжественно похоронят в глубине пещеры, служившей фамильным склепом для всей семьи.

В знак траура близкие родственницы женского пола покрасили себе волосы, лицо и тело белой краской — смесью из извести и глины. Приличие требовало, чтобы Лиласитэ тоже поступила подобным образом, так как все ее считали невестой покойного Юло. Но этот лицемерный поступок был противен ее откровенной натуре, да никто на этом и не настаивал. У яванов были теперь более важные заботы.

Уже целых две недели упорно дули северо-восточные ветры, подымая столбы густой белой пыли и вынуждая жи-

телей селения поглубже забираться в свои пещеры. Свирепствовавшая жестокая лихорадка особенно косила детей. Лишенное возможности выйти из пещер население стало питаться припрятанным про запас мясом. Медведи, ослепленные тучами носившейся в воздухе пыли, спустились с гор и рыскали в поисках убежища. Как-то ночью медведь забрался в пещеру, искалечил там одного человека и загрыз двух женщин с детьми. С наступлением вечера эти страшные хищники наводняли селение. Нередко пытались они проникнуть в пещеру вождя, где нашли себе приют Таламара и Куа. Наутро камни, закрывавшие вход, оказывались изборожденными следами их страшных когтей.

Накануне того дня, когда послы с Сены собирались отправиться к себе домой, в селение пришли странствующие торговцы с дальних берегов синего моря. Вместе с предназначенными для обмена на иглы раковинами, они принесли странные вести. Они рассказывали о громадном скоплении народов у подножия Альп; туда же нахлынули и маленького роста черные люди с курчавыми волосами, а за ними шли и теснили их явившиеся из-за далеких морей еще другие народы. Тревога распространялась от одного племени к другому и яваны с берегов Средиземного моря уже готовились покинуть свои области и переселиться на запад.

На вопрос, где теперь живет знаменитый мастер, изготовлявший иглы, странствующие торговцы получили сбивчивые ответы. Ни у кого не поворачивался язык, чтобы открыто сознаться в своем позорном поступке. Торговцы, взбешенные тем, что пришли напрасно, стали всячески поносить и проклинать дикарей, изгнавших величайшего из яванов.

Вскоре новое обстоятельство еще больше обострило чувство раскаяния, овладевшее обитателями Везера.

Несмотря на то, что прошло уже два месяца с тех пор, как Минати исчез из селения, все утешали себя надеждой, что он нашел себе приют среди одного из южных племен на Гаронне или у подножия Пиренеев, и все были уверены, что он как-нибудь вернется повидать свою мать. Но время шло и доходившие от соседних племен сведения не прино-

сили ничего нового о беглеце. Тем не менее, яваны с Дордони все еще продолжали упорно верить, что человек, умеющий метать молнии, не окончательно потерян для их племени и, когда он вернется, боги простят им их преступление.

Однажды, преследуя стадо киангов, охотники заблудились в восточных дремучих лесах и нашли там в пещере тонкой работы кожаную сумку. В ней были костяные иглы и служившие для обмена раковины. Таламара признала в ней сумку, взятую ее сыном в ночь бегства. Изошренные в искусстве толкования разных примет, охотники по сумке восстановили всю картину трагического происшествия: во время сна на Минати напали кочевники-груандисы.

На мать это известие не произвело никакого впечатления; казалось, она уже знала о случившемся. Она лишь повторяла загадочные слова, которые Лиласитэ и Куа уже и раньше часто слышали от нее:

— Я всегда с ним, так как душа моя неотступно следует за каждым его шагом.

Спокойствие матери показалось непонятным народу, у которого кровь стыла в жилах от ужаса. Изгнанный ими из селения избранник богов оказался пленником груандисов — этих людей-зверей, питавшихся человеческим мясом, когда у них ощущался недостаток дичи. Яваны почувствовали себя виновниками его гибели и каждый обвинял себя в сообщничестве. Даже Медвежья Лапа и тот открыто раскаялся и торжественно поклялся принести в жертву богам сустав своей левой руки, чтобы искупить свой грех.

А дурные вести, как из рога изобилия, продолжали сыпаться на яванов. Однажды ночью они были разбужены доносившимися откуда-то издалека дикими воплями. Выйдя из пещер, они увидели на западе, на вершинах гор, пылающие костры; оттуда-то и неслись вопли. Лишь наутро хватились, что рабы ночью бежали из пещер, повинуясь подаваемым их соплеменниками с горных вершин сигналам.

Вслед за этим, в долине Везера появились беспорядочные толпы яванов, шедших с севера, юга и запада. Несмотря на то, что они не знали друг друга и были самого различного происхождения, все они одинаково объясняли при-

чину своего бегства. Туда далеко-далеко могучим потоком хлынули разные народы; все это были совершенно незнакомые им расы, говорящие на непонятных языках, целые полчища голодных людей, устремившиеся в страны, изобиловавшие мясом и наводнившие, таким образом, охотничьи области яванов.

Тогда-то племя с Везера поняло весь ужас своего преступления.

Все рушилось вокруг него. Опасность угрожала не только могуществу Сынов Солнца, но самому их существованию. А они, безумцы, собственными руками обрекли на гибель того, кого боги посвятили в тайну метать стрелы и кто бы мог в этот трагический момент спасти от неминуемой гибели всю расу.

Решено было созвать совет из представителей всех селений, примыкавших к бассейну Дордони. Когда все, наконец, были в сборе, Виссили-Рора внес предложение, с восторгом принятое всеми участниками. Он предложил отправить в самую глубь страны груандисов отряд из пятисот отборных охотников с тем, чтобы освободить пленника.

Лето уже было на исходе и надо было спешить, так как в этой гористой местности зима часто выдавалась ранняя. Вперед была отправлена партия, состоявшая из двадцати охотников. Они получили приказание углубиться в леса груандисов, находившиеся на расстоянии двухдневного пути, и захватить там пленных, от которых предполагалось получить сведения о силе и численности врагов. Груандисы как раз годились для этой цели, так как это кочевое племя не имело определенных поселений, а двигалось вслед за дичью.

Но уже после полудня пути охотники наткнулись на неожиданность. Недалеко от селения находилась каменоломня, служившая для удовлетворения нужд в кремне всего племени яванов с Везера. Придя туда, охотники застали там с десяток груандисов, преспокойно откапывавших драгоценные круглые камни, славившиеся вкрапленными в них крупинками железа. Яваны не верили своим глазам. Им никогда не приходило в голову, что груандисы могут до та-

кой степени обнаглеть, чтобы приблизиться к владениям яванов. В их смелости они усмотрели тревожное предзнаменование. Теснимые другими народами, груандисы и те зашевелились.

Из десяти дикарей только один был захвачен в плен. Остальные, испуская на своем первобытном наречии какие-то непонятные звуки, тут же убивали друг друга или бросались с высокого утеса в бездну. От пленного нельзя было добиться ничего, кроме двух слов: «ава мама», из коих первое было исковерканным словом «яван», а второе одновременно обозначало глагол «есть» и все, что идет в пищу. Когда дикарь раз двадцать повторил эту фразу, один из охотников расколол ему череп.

«Ава мама»... Смертельно напуганные яваны двояким образом толковали эти слова, но то и другое толкование наполняло их одинаковым ужасом. По одной версии, груандисы, неизвестно по какой причине, набрались вдруг храбрости и решили, что они отныне в силах сокрушить яванов; или же пленный в порыве предсмертного отчаяния захотел похвастать, что они сами недавно взяли в плен и съели явана. Все отлично понимали, что только Минати мог стать жертвой груандисов, и мужчины плакали от стыда. Некоторые из них дошли до того, что униженно вымаливали у матери юноши слова утешения. Но ее равнодушие возмущало и огорчало их. Ужасная новость не поколебала ее невозмутимого спокойствия. Глядя на ее улыбающееся лицо с устремленным вдаль отсутствующим взглядом и слушая бесконечно повторяемые ею слова: «Я шаг за шагом следую за моим сыном и душа моя неразрывно связана с его душой!..» — действительно приходило на ум, что она потеряла рассудок.

Когда изумленные ее странным поведением яваны обратились за разъяснением к Куа, он дал понять, что в магии существует много необъяснимого. Возможно, что боги, чтобы вознаградить Таламару за незаслуженные лишения, даровали ей способность освобождать свою душу, чтобы она могла следовать повсюду за своим столь любимым сыном.

Тревога племени все росла и каждый день приносил все

новые испытания. Народ жил в вечном страхе чего-то неопределенного и в ожидании ужасных катастроф. Кто его защитит? Кто его спасет теперь, когда отвратительные груандисы сожрали тело избранника бегов? И, усевшись вокруг костров, великие охотники, чьи предки властвовали над лесами и долинами, жаловались, как беспомощные женщины, когда у них подходят к концу запасы копченого мяса и когда перед их пещерами стоит грозный призрак голода.

Жрецы и волшебники племени устроили совещание, на котором было решено прибегнуть к обряду умилоствления. Надеялись, что удастся умилоствить гнев богов, если пять воинов из каждого селения принесут им в жертву по одному суставу пальца с руки, которые должны быть отрублены при помощи священных топора и молота на жертвенном камне, в глубине пещеры для таинств, на том самом месте, где некогда праздновалось кровавое обручение белокурых девственниц с Солнцем.

Все охотники откликнулись в один голос и добивались чести принести в жертву свои пальцы. Пришлось путем жребия намечать избранников.

Глава X

Песнь малиновки

Убив Юло, Минати одним прыжком перескочил через каменную ограду и, как безумный, бросился в кустарник, покрывавший подножье холма. Только взобравшись на крутую лесистую возвышенность, он остановился, чтобы перевести дыхание. Высокие деревья заслоняли от него площадку для празднеств и собравшуюся там жестокую толпу, только что яростно требовавшую его крови.

— Гиены! Подлые, кровожадные гиены!— пробормотал он, погрозив в сторону толпы поднятым кулаком, и вновь пустился бежать.

Он весь кипел от злобы и проклинал судьбу, людей и весь мир. Изредка прерывал он свой бег и выпускал резкие, отрывистые звуки, разносившиеся по лесу, как звериное рычание.

Он шел в продолжение долгих часов, не разбирая пути, просто, куда глаза глядят. Наконец, голод и усталость взяли свое. Тогда он вспомнил про оставленные им утром в пещере пищу и шкуры для подстилки. Но, не будучи охотником, Минати по солнцу не мог сообразить направления и лишь к ночи добрался до своего тайника.

Благодаря особенному, придуманному им способу, он в несколько мгновений зажег огонь и, наскоро проглотив кусок поджаренного мяса, растянулся на шкурах. Он уже засыпал, когда над самым его ухом вдруг прозвучало:

— Дарасева...

Это было тайное имя, данное ему матерью при рождении, которое они из боязни перед злой судьбой, никому не должны были открывать. На языке яванов оно обозначало «мое дыхание», «моя душа». Минати так ясно услышал это имя, что приподнялся на своем ложе. Скоро он снова улегся и, обрадованный воображаемым зовом матери, уснул с улыбкой на устах.

Смело усевшись на выступе скалы, совсем близко от Минати, малиновка, нежно воркуя, приветствовала его пробуждение. Ласточки вылетали из своих гнездышек, их веселое щебетание наполнило пещеру, а взмахи крылышек освежали лицо юноши. Проснувшись, Минати долго не мог прийти в себя.

Итак, он, Дрожащий Камыш, убил человека. Он, ненавидящий кровь, совершил убийство. Он с удивлением заметил, что не испытывал ни сожаления, ни раскаяния при мысли о своем поступке. Да и странно было бы, если бы он испытывал эти чувства. Разве не Юло был виновником всех унижений и оскорблений, перенесенных им за годы пребывания среди племени с Дордони?

Вспомнив девушек, не стеснявшихся открыто высказывать ему свое презрение, он злобно усмехнулся:

— Теперь они, пожалуй, признают, что я имею право пить из черепа.

Мысли толпой теснились в его голове. Мелькнуло воспоминание о матери, покинутой им на произвол кровожадной толпы, о Лиласитэ, которую он уже больше не надеялся увидеть и, наконец, об уроде Куа, которого он любил почти сыновней любовью. Но дорогие ему образы промелькнули перед ним, как во сне, и мгновенно рассеялись.

Минати вернулся к жестокой действительности. Его охватила дрожь при мысли, что отныне он один в этом необъятном мире дикарей, где все чуждо и враждебно ему. «Что делать?» — задал он себе вопрос. Борьба с дикими зверями, людьми и стихиями его заранее пугала и лишала энергии. Зачем так упорно стремиться сохранить жизнь, если судьба так немилостива?

Он вспомнил груандисов, вскрывающих себе вены, чтобы освободиться от рабства.

В эту минуту ласточка, возвращаясь в гнездо под сводами пещеры с пищей в клюве, легко задела его своим крылом, а малиновка, подпрыгивая на тоненьких ножках, выпятила свою яркую грудку и проворковала песенку.

Минати вздрогнул, склонившись над птичкой, восхвалившей жизнь. Ведь и эти крошечные пичужки борются за

свою жизнь с целым миром врагов, ускользают от когтей кошки, от хищного ястреба и спасаются от жестокой зимы. Эти слабые создания, вооруженные лишь инстинктивной жадной жизни, испокон веков побеждали окружающие опасности.

Глядя на них, Минати решил, что он должен жить вопреки всем и всему и бороться, чтобы победить. Придя к такому выводу, он сразу же принялся за дело.

Выбрав несколько веток, он приготовил из них стрелы, приделав к концу каждой костяное острие, для чего использовал найденные им в пещере кости. В то время, как его руки были заняты этой работой, голова его усиленно работала, намечая дальнейший план действий.

Минати слышал, что далеко за горами, на берегах большого синего моря, жили еще другие племена яванов. Их странствующие торговцы проникали даже в области, расположенные на Везере, и приносили туда для обмена перламутровые раковины и красные коралловые ожерелья. Минати знал, что его иглы имели большой успех у этих мелких племен и потому вероятно, что, если он придет в их страну, то будет хорошо принят. Но со слов тех же торговцев ему было известно, что требовалось не менее тридцати дней пути, чтобы добраться до их первых поселений, лежащих по ту сторону высоких гор.

Тем не менее, после полудня, когда он заканчивал четвертую стрелу, им внезапно овладел страх. Он сообразил, что мужчины дордонского племени, наверное, бросились в погоню за ним: нельзя же было оставить безнаказанным убийство такого видного охотника, каким был Юло. Минати стал быстро готовиться в дорогу. Он привязал к поясу топор и нож, прикрыв их надетой сверху туникой из оленьей шкуры. Взвалив на плечо два мешка, куда были положены кремневые инструменты и другие предметы: шесть игл, раковины для обмена, глыбы соли и искусно приспособленные дощечки для добывания огня. Захватив одну шкуру для подстилки, он снова пустился в путь.

Минати шел до самого вечера в сторону, противоположную солнцу. Чтобы обмануть бдительность разведчи-

ков, он старательно избегал ступать по твердой земле. Придя к одной пещере, он собрался было расположиться в ней, как вдруг был испуган раздавшимися оттуда звуками: это ворчала медведица с медвежонком, возмущенная его дерзким вторжением. Перейдя овраг, он нашел другую пещеру, но уже свободную от обитателей. Встреча с медведицей его больше позабавила, чем напугала. Все же, войдя в другую пещеру, он завалил камнями вход, после чего развел огонь и, разбитый усталостью, немедленно уснул.

Как и накануне, оставшись в темноте, он услышал прозвучавшее над самым его ухом:

— Дарасева...

— Я слышу тебя, мать, — невольно вырвалось у него при звуках показавшегося ему родным голоса.

Наутро задул сильный северо-восточный ветер. В воздухе кружились целые столбы густой белой пыли и затмевали солнце. Но Минати не обратил внимания на непогоду. Перед ним была определенная цель: ему надо было по возможности скорее добраться до высоких гор, откуда текли горячие источники, и он храбро продолжал свой путь прямо вперед, не разбирая дороги.

Так он шел два-три дня, делая короткие остановки лишь для того, чтобы развести огонь и наскоро поджарить себе кусок мяса. Насытившись, он шел дальше. Каждый вечер с замиранием сердца он ждал того момента, когда сон сомкнет его отяжелевшие веки и любимый голос нежно прошепчет в ночной тиши его имя.

К концу четвертого дня небо вдруг прояснилось и Минати с ужасом заметил, что идет навстречу солнцу, в то время как он думал, что оно за его спиной. Неужели он углубился на Запад вместо того, чтобы идти прямо на Восток, как он предполагал? И в этот вечер ему показалось, что он позже слышит обычный зов, и голос, произносивший его имя, отражал овладевшую душой Минати тревогу.

— Дарасева... Дарасева...

— Я слышу тебя, мать... Ты здесь?..

Ему приснился ужасный сон: своды пещеры вдруг рухнули и, засыпав своими обломками Минати, сковали его чле-

ны. Он очнулся от странных звуков. Тяжесть, которую он ощутил во сне, оказалась телом человека, лежавшего на нем и вцепившегося руками в кисти рук и лодыжки Минати. Он испускал какие-то крики и обдавал Минати своим зловонным дыханием. Юноша вдруг понял весь ужас случившегося: во время сна на него напали кочующие груандисы и связали его.

В одно мгновение погибли взлелеянные в его душе мечты о славе и о мести. Он в плену у груандисов, известных под именем людей-зверей, испокон веков преследуемых его соплеменниками, и пленник дикарей, питающихся человеческим мясом.

Минати понял, что наступил его последний час и покорился своей участи. Последние его мысли были о любимых им существах.

Взошла заря и пурпуром своих лучей осветила пещеру. Минати стал считать победителей. Их было десять человек, все были одеты в волчьи шкуры. Они рылись в его мешках, обмениваясь на своем скудном первобытном наречии однозвучными «ма», «ти», «до». Несмотря на трагизм положения, юношу рассмешили их жесты и возгласы, которыми они встречали каждый новый, вынутый из мешка предмет.

Им никогда не приходилось видеть иглу, и манеры, с которыми они разглядывали и обнюхивали эту крошечную вещичку, были уморительны. «На что могла служить такая безделица? — ломали они себе головы. Наиболее смывленный из дикарей подошел к пленнику и знаками выразил свое недоумение. При виде того, как в руках Минати этот крошечный предмет, таща за собой конский волос, проходил через оленью шкуру, дикари разразились оглушительным хохотом, сотрясающим своды пещеры. Их восторг достиг предела, когда вслед за кусочком кости на другой стороне шкуры оказался и вдетый в него конский волос.

Любопытство дикарей было возбуждено до крайности. Они захотели узнать, что означала эта дощечка величиной в две человеческие руки и лежавшие вместе с ней палочки.

Предвкушая, что сейчас произойдет что-то из ряда вон выходящее, они заранее смеются, развязывают пленнику но-

ги и внимательно следят за малейшим движением Минати. Вставив острые палочки в ямку на доске, где лежат кусочки трута, Минати держит другой конец палочки зажатым в левой ладони. В правой руке у него подобие маленького лука с натянутым между его концами шнуром из кишок животных. Он обматывает тетиву один раз вокруг палочки. Все готово!

На глазах у смеющихся дикарей Минати быстрым движением правой руки проводит маленьким луком, как смычком, взад и вперед. Вдруг из ямки на доске сразу подымается легкий дымок, от трута отделяются искры, от которых мгновенно воспламеняются сухие листья.

Теперь уже дикари не смеются. Вытаращив свои огромные глаза, они блуждающим взглядом смотрят на охваченный пламенем пучок листьев, на заколдованный прибор и на колдуна. Их толстые губы на выдающейся вперед, как звериная морда, нижней части лица силиются произнести звуки, которые с трудом выходят из их грубых глоток:

— Пи, — с трудом произносят они, наконец. — Пи... Пи-и-и...

Огонь! Значит, правда, что существуют люди, умеющие по желанию добывать огонь, тогда как они умеют только раздувать уже горящие головешки или раскаленные уголья. Нередко им приходится рыскать по лесам в поисках дерева, зажженного небесным огнем.

Пленника забавляют их ошеломленные лица, он начинает входить во вкус игры. Он уже забыл о грозившей ему недавно смерти. Он чувствует себя важным лицом у дикарей и думает, каким бы ему еще фокусом укрепить у них свой авторитет. Его воображение рисует ему заманчивые картины. Стоит ему только захотеть, и эти жалкие создания провозгласят его своим вождем.

В это время большая толпа дикарей проходила по лесу недалеко от пещеры. Груандисы звучным криком окликали их. Происходит обмен односложными «ма», «ти», «до», «пи», которые звучат в ушах Минати непонятной тарабарщиной. Почтительными и робкими жестами просят они волшебника еще раз повторить свое чудо, и тот с важным ви-

дом усаживается на корточки возле своего прибора.

— Ты меня не узнаешь? — раздался вдруг вопрос на понятном яванском наречии. — Я — Ана!

Хотя все груандисы, как две капли воды, похожи друг на друга, сын Таламары с улыбкой взглянул на говорившего:

— Как же, брат. Я тебя узнал.

— А ты помнишь, как тот проклятый мальчишка бил раба и как ты вырвал из его рук палку? Раб стал человеком, — прибавил он и с такой силой ударил себя при этом в грудь своими огромными кулаками, что у него задрожала вся верхняя часть туловища.

Все дикари, в том числе женщины и дети, в ожидании обещанного чуда, на корточках уселись вокруг прибора.

При появлении первых искр их лица вытянулись, как обезьяньи морды: они стали издавать гортанные звуки, напоминавшие кудахтанье кур, и их большие мутные глаза загорелись огнем.

— Что они говорят? — спросил Минати.

— Они говорят, — объяснил Ана, — что человек, умеющий по собственному желанию производить огонь, сильнее духов, населяющих камни, воды и деревья.

Тут Минати решил ошеломить их окончательно, чтобы добиться свободы и возможности пробраться к синему морю.

— Скажи им, что человек, умеющий по желанию добывать огонь, умеет также метать молнии.

Ана, услышав такую невероятную вещь, нерешительно молчал. За десять лет рабства у яванов он кое-чему научился, но ничего подобного ему никогда не приходилось слышать. Хотя глаза его выражали испуг, он, тем не менее, повиновался. Трепет пробежал по толпе дикарей, когда они слышали его слова.

Став у пещеры и положив стрелу на тетиву лука, Минати глазами искал мишень. Вдруг, шагах в шестидесяти от него, из кустов вылетел тетерев. В воздухе что-то просвистело и птица, перекувырнувшись, как подкошенная упала на землю.

Дикари, разинув рты, с трясущимися коленями и опу-

ценными руками стояли и издали смотрели на убитую птицу, не стараясь даже понять, каким образом это произошло. Затем посыпался целый поток односложных звуков. Все в экстазе подняли руки к небу, покрытому серыми тучами.

— Что они говорят, брат?

Но объяснение было излишним. Дикари, как один человек, бросились на колени, касаясь лбами скалы. Из их грудей вырывались хриплые стоны. Ана, как и другие, пал к ногам Минати.

Юный стрелок усмехнулся про себя.

— Да простит мне Виссуэ-Уара, всевышний дух яванов. И я оказался богом у груандисов.

Тронув за плечо проводника, он спросил:

— Ана, что говорят твои братья?

— Они говорят, — ответил он, сопровождая свои слова благоговейными движениями, — они говорят, что ты всемогущ, что ты дух над духами. Они говорят, что ты властвуешь над воздухом, землей и огнем. Они говорят, что волшебники уже с сотворения мира предсказывали твое появление. Они говорят, что ты пришел и что ты всемогущ и что от тебя берут начало все тайные силы, которые управляют миром.

«Я в этом не сомневался, — подумал про себя Минати, забавляясь своим приключением. — Я бог и дикари мне поклоняются».

Женщина с черными, волочащимися по полу вьющимися волосами подползла к нему и он почувствовал на своей ноге прикосновение ее влажных губ.

Глава XI

Мннати — божество

Груандисы, или как они сами себя называли, дахи, в продолжение тысячелетий властвовали над большей частью пригодной для обитания Европы. Ледниковый период застал их на известной ступени развития; они уже научились выделывать из кремня превосходное оружие. Но сто веков жестоких холодов резко уменьшили их численность и сузили границы их территории. Это привело расу к полному упадку.

С отступлением ледников и установлением благоприятного климата, полярная фауна устремилась на север, уступая постепенно место фауне азиатской, вслед за которой шли целые охотничьи племена. То была раса сильных и искусных охотников, закончивших свое развитие в Центральной Азии — этой колыбели человечества.

Яванам, белокурый гигантам с благородной осанкой и высоко поднятой головой, груандисы показались чуть ли не животными. Они находили в груандисах сходство то с дикими кабанами, то с большеголовыми обезьянами, целыми стадами населявшими в то время склоны Оверни и Пиренеев.

Короткие, согнутые в коленях ноги поддерживали толстое, неуклюжее туловище с широкой грудной клеткой и искривленным позвоночником, вследствие чего вся их фигура производила впечатление усталости. Бычья шея заканчивалась удлинённой, непомерной величины головой, которая своей тяжестью, казалось, увлекала тело вперед. Крепкие челюсти, из коих нижняя выдавалась вперед больше верхней, придавали лицу сходство с звериной мордой.

После нескольких дней, проведенных у груандисов, Мннати нашел еще признаки, сближающие этих людей с животными. Большие пальцы их огромных сильных рук недостаточно отделялись от остальных пальцев. Ногу они ставили не прямо, а упирались наружным краем плоской и ши-

рокой ступни, отчего при ходьбе смешно ковыляли корпусом из стороны в сторону. Большие пальцы ног, противопоставленные всем остальным, двигались с не меньшей ловкостью, чем пальцы рук и умели даже хватать предметы.

Среди этих дикарей Минати чувствовал себя великаном: он был на целую голову выше любого груандиса. После всех издевательств над его маленьким ростом среди яванов, это, конечно, доставляло ему некоторое удовлетворение. Груандиски были ростом значительно ниже мужчин, но сходство с обезьянами выражалось у них менее резко: кожа у них была светлее и менее волосата, чем у мужчин. Надбровные дуги, сильно выдававшиеся вперед у мужчин и придававшие их лицам выражение животной жестокости, заметно сглаживались у женщин. Нос женщин был лучше очерчен и не столь мясист.

Минати, как ребенка, радовало преклонение этих наивных дикарей. Его особенно забавляла смешная сторона этого необычайного приключения. Какой головокружительный переворот! Вчера лишь скромный ремесленник, осужденный на смерть своими соплеменниками, а сегодня — воплощение божества. Другому на его месте это вскружило бы голову. Минати же это казалось просто насмешкой судьбы, шуткой ее, которую он хотел обратить в свою пользу.

«Пусть они только дадут мне время усовершенствовать мой лук, — думал он про себя, расточая милостивые улыбки своим почитателям, — и я быстро отсюда улечусь. Скорее туда, к дальним берегам синего моря и к залитым солнечным светом холмам. Если мне долго придется проторчать в этих лесах, то я сам, пожалуй, тут превращусь в гриб».

Дикари, наконец, устали стучаться лбами о землю и лизать следы ног божества. Экстаз уступил место чувству голода. Мужчины уселись на корточки вокруг зажженного костра, а женщины принесли самые разнообразные яства, среди которых были отвратительные крысы, ящерицы и змеи. Их прямо с кожей жарили на священном огне, тут же клали на землю и предлагали собравшимся.

Ана, более опрятный, чем его собратья, разостлал перед Минати свежесодранную шкуру косули и положил на

нее огромный кусок дичи. Проголодавшееся божество отдало должную дань угощению.

Но положение обязывает и божество, потому Минати не откусывал мясо прямо от целого куска, как это делали его сотрапезники, а аккуратно отрезал ножом узкие полосы, брал их кончиками пальцев и ел кончиками зубов.

Когда дикари наелись мясом до отвала, Ана почтительно объявил божеству, что он отведет его на стоянку племени, куда уже послан гонец. Подозвав затем к себе несколько человек, он им что-то приказал на своем непонятном наречии. Те скоро вернулись с носилками, сделанными из толстых веток, лиан и листьев. Когда Минати, едва удерживаясь от смеха, с важным видом расположился на них, караван пустился в путь.

— О, друг мой, Дрожащий Камыш. Удостаивался ли ты когда-нибудь подобных почестей?

Убаюканный мерным покачиванием носилок, которые несли четверо груандисов, Минати в душе смеялся над изменчивостью судьбы; прошлое казалось ему таким далеким и все перенесенные унижения — канувшими в вечность. Он с любопытством ожидал дальнейшего и без труда представлял себе финал своего необычайного приключения: в один прекрасный день он покинет воздающих ему божеские почести дураков и убежит от них через высокие горы к синему морю. Но до этого ему предстояло еще немало забавного, при мысли о чем его разбирал смех.

Караван шел около четырех часов дремучим лесом. Во главе шли мужчины, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. За ними, сгибаясь под тяжестью мясных туш и привязанных сбоку грудных младенцев, следовали женщины. Дети постарше не отставали от взрослых и несли в руках кремневые молоты без рукояток, служившие для раскалывания мозговых костей.

Запах гари, донесенный порывом ветра, указывал на близость стоянки. Действительно, вскоре можно было уловить неясные звуки. По мере приближения, звуки усиливались, нарушая безмолвие леса. Когда караван спустился с последнего холма, Минати с носилок увидел в самом низу

долины мелькавшие сквозь пелену белого дыма огни костров. Это была стоянка кочующих груандисов.

Глухой шум приветствовал его появление. Вылетавшие из широких грудей дикарей звуки застревали в бычьей гортани и выливались в нечто среднее между человеческой речью и звериным воем.

Около четырехсот человеческих существ, — жалкая пародия на людей, — сидели, сбившись в кучу, у костра и, подняв кверху рылообразные лица с вытянутыми вперед губами, смотрели на чудотворца.

Прибывшим дикарям поскорее хотелось поделиться со своими собратьями принесенными умопомрачительными новостями. Посыпался целый поток гортанных звуков.

Гордый своей ролью Ана велел всем замолчать и объяснил:

— Тот, кого я привел к племени дахов, властвует над огнем и молнией. Он тот, чьего пришествия племя дахов ждало со времени Больших Холодов.

За речью Ана последовало повторение всех утренних процедур, но в более подробном виде. Минати старался вовсю и с еще большей тщательностью демонстрировал свое искусство.

Прежде чем проткнуть кожу иглой с продетым в нее конским волосом, Минати, как бы призывая на помощь могущественных духов, начертал в воздухе и на земле какие-то таинственные знаки. Добывание огня сопровождалось другого рода кривляньем и произвело на аудиторию очень сильное впечатление. Крича благим матом, он по три раза повернулся на каждой пятке то в одну, то в другую сторону. Раньше, чем выстрелить в белку, ему пришла фантазия четыре раза плюнуть на землю и один раз в воздух. Переводчику он объяснил, что это лучший способ устранить злых духов, чтобы они не пытались остановить его стрелы.

Когда сраженная белка свалилась с верхушки дерева — возбуждение толпы дошло до высших пределов и вылилось во взрыв необузданного веселья. Мужчины вопили, плясали, барахтались по земле. Женщины, старые и молодые, про-

талкивались вперед, на четвереньках подползали к божеству и жадно ловили губами его ноги.

Ана помог Минати выбраться из толпы и отвел его в пещеру, где для него было приготовлено ложе из свежей листвы и ярко пылал костер. Скоро стали появляться дикари с подношениями и загромождали ими весь проход. Женщины приносили в руках и клали прямо на землю куски жареного мяса, медовые соты, слегка прокопченные на огне личинки насекомых и другие лакомства. Мужчины преподнесли готовые шкуры, когти и клыки хищных зверей, куски отполированного с одной стороны кремня.

От волнения Минати долго не мог уснуть в эту ночь. Его приключение принимало с каждым днем все более странный характер. Оно уже не казалось ему забавным, как раньше, а вызвало в нем новое чувство, которое он сам себе еще не уяснил.

После его полного унижений существования среди яванов, восторженное поклонение дикарей бодрило Минати и вновь рождало в нем мечты о мести. Но он ясно отдавал себе отчет во всем происходящем и чувствовал, что это поклонение увлекает его и дурманит ему голову. Он должен был прислушаться к голосу разума, настойчиво твердившему ему, что нечего обольщаться, что у его ног самый отвратительный в мире народ, люди-звери, прозванные вонючками.

В последующие дни повторилось то же самое. Бесконечными потоками приходили толпы дикарей, чтобы лицедреть повелителя огня и молнии. Пещера Минати превратилась в место паломничества, в своего рода святыню, где угнетенное племя предавалось безумным мечтам.

Безбородый юноша, возведенный груандисами в божество, уже не смеялся над своим приключением. Оно будило в нем более серьезные чувства. Его трогал энтузиазм этих жалких существ и их наивное преклонение льстило его самолюбию. Ведь фимиами одинаково благоухает, возжигают ли его в золотой чаше или в простом горшке.

Жажда власти постепенно овладевала Минати и опьяняла его, то усыпляя непокорное чувство, то отгоняя прочь уце-

левший предрассудок. Когда ему удалось понять несколько звуков на их наречии, сам народ показался ему не столь грубым, как вначале. Он теперь с удивлением вспомнил отвлечение, какое вызвало в нем впервые прикосновение губ груандиски к его ноге. Его первоначальная брезгливость казалась ему одним из нелепых яванских предрассудков.

Но по ночам в его ушах не звучало больше нежное «Дарасева» и от любимого голоса матери осталось лишь смутное воспоминание, будившее в нем еще не уснувшую совесть.

Он гордился тем, что окончательно стряхнул с себя прошлое и порвал с яванцами, которые его отвергли, изгнали и осудили. Он их считал виновниками всех своих унижений и при мысли о них в нем еще упорнее разгоралась утихшая было злоба.

Он думал, что его матери уже нет в живых, что кроважидные гиены с Везера убили ее, чтобы отомстить за смерть Юло, и ненависть его к ним возрастала одновременно с гнездившейся в его сердце гордостью.

Стоило ему захотеть, и он мог немедленно стать верховным вождем груандисов. Здесь никто не оспаривал его права на жизнь и его желания были законом. Он знал, что по его приказу тысячи дикарей готовы погибнуть.

Гордость его росла с каждым днем и честолюбие его приняло невероятные размеры.

Раса дахов состояла из семи многочисленных племен, между которыми — кроме языка и слабо развитой меновой торговли — не было ничего общего. Эти племена похищали друг у друга жен и нередко забирали в плен мужчин, которых приносили в жертву духам, после чего устраивали дикие оргии, где пожирали своих пленников.

У Минати возникла мысль объединить все эти племена в один народ и стать его правителем. Он надеялся сделать его покорным орудием для своих целей. Пробудить этих вечно угнетенных людей, вооружить их своим луком, вдохнуть в их сердца пламенный фанатизм и вместе с ними завоевать мир — вот к чему стремился Минати. Кто тогда сможет устоять перед ними? Со своим новым луком и усовершенст-

вованными стрелами он мог поразить лошадь за сто шагов от себя.

Минати немедленно собрал вождей всех кочующих родов и избрал из них послов для переговоров с соседними племенами. Когда на совещании один из старых вождей пытался выступить против божества, груандисы тут же на месте расправились с нечестивцем, и сын Таламары спокойно вытер рукой брызнувшую ему в лицо кровь.

Часто среди подношений дикарей фигурировали либо свежееотрубленные человеческие головы, либо черепа, высушенные на медленном огне. Но это больше не трогало сердце кроткого Минати. Он преспокойно поручал Ана передать эти ужасные подарки кому-нибудь из старейшин.

Он окончательно свыкся с окружающей его средой и нередко сам участвовал в их разнузданных оргиях. Отвращение к крови и жестокостям ведь тоже не что иное, как своего рода привычка.

Глава XII

Встреча с призраками

Ветер стряхивал с деревьев последние листья и земля покрылась снегом. Женщины и дети забились в пещеры, стараясь занять места поближе к очагам. Оттесненные старики издали протягивали к огню свои окоченевшие руки. Все разговоры вертелись исключительно около одного предмета — охотников за оленями. Это был животрепещущий для всего стойбища вопрос, особенно волновавший стариков, так как их участь зависела от исхода охоты. Согласно закону Духов, в случае недостатка мяса сыновья должны были умертвить своих престарелых родителей, как те некогда убили своих отцов, повинувшись тому же закону.

Минати еще два дня тому назад покинул свою теплую пещеру. Желая испытать действие своего нового лука, вырезанного из сердцевины тисового дерева, и оперенных стрел, он, закутавшись в теплые меха, велел носильщикам нести себя на юго-восток, где в то время проходили спустившиеся с равнин стада оленей.

Обутый в мокасины, выкроенные и стачанные им самим из шкуры лося, он, в теплом плаще из буйволовой шерсти, весело шагает по снегу, утоптанному для него босыми ногами идущих впереди его загонщиков. Три самых больших племени прислали своих послов, и близок час, когда вся разрозненная раса объединится в один народ и Минати будет его верховным вождем.

— Повелитель, посмотри в ту сторону... — прервав его горделивые мечты, сказал Ана.

Вдали, над растянувшимися на снегу и ползущими на четвереньках разведчиками, между мшистыми стволами деревьев мелькали белые, серые и коричневые пятна. Это было оленье стадо. Оно медленно пробиралось лесом, пощипывая на ходу траву и почки деревьев.

В воздухе просвистела стрела, за ней последовала вторая и третья; а там, вдали, беззвучно рухнули на землю три

оленья, в то время как остальное стадо невозмутимо продолжало свой путь.

— Хорошая добыча, повелитель, — жадно пробормотал Ана, подавая Минати колчан. — Они все будут перебиты, все до одного?

— Нет, довольно. Надо дать позабавиться людям. Пусть они окружают стадо и пусть его перебьют, если могут. С меня хватит.

Охота никогда особенно не увлекала Минати. В данный момент его интересовал сделанный из новой породы дерева лук, дальность полета стрел и сила их удара. Результат, достигнутый им, был, по-видимому, значителен. Но Минати, со своим темпераментом изобретателя, не доверял самому себе и желал иметь прочно обоснованные доказательства.

Когда охотники вместе с Ана рассыпались по кустам, Минати наломал с десяток прутьев и вернулся к тому месту, где лежал колчан. Не отрывая взгляда от еле видневшихся на снегу туш убитых животных, Минати решительными шагами направился туда. Скудость первобытной арифметики, ограниченной числом «пять», заставила Минати прибегнуть к сложным вычислениям. Через каждые пять шагов он загибал один палец на левой руке. Когда все пять пальцев левой руки уже были загнуты, он воткнул в покрытую снегом землю прут, что означало пять рук или двадцать пять шагов. Без всякого волнения воткнул он в землю третью палочку. Но при четвертой, когда до мишени оставалось расстояние, не меньшее пройденного им, сердце его стало биться учащенно. При пятой палочке, обозначавшей дальность полета его прежних стрел, он должен был на минуту остановиться, чтобы насладиться овладевшей им радостью. При восьмой палочке, когда еще целая сажень отделяла его от убитых оленей — гордость изобретателя вылилась в торжествующем крике. Итак, он сразу удвоил дальность своего оружия. Его стрелы убивали теперь на расстоянии более двухсот шагов, что было колоссальным достижением.

Желая еще раз проверить свои вычисления, Минати вернулся к исходной точке, по-прежнему отмечая на пальцах каждый прутик. На обратном пути он их собрал и вновь пересчитал. Продолжая считать, он вспомнил свои первые опыты, когда, желая поделиться с матерью своим изобретением, он на ее глазах попал в кору дерева, находившегося на расстоянии пятидесяти шагов.

Перед ним внезапно возник нежный образ несчастной матери, заплатившей жизнью за свою самоотверженную любовь к сыну.

— Кровожадные гиены, которые ее убили, ответят мне за каждую каплю ее крови. Мои орды диких кабанов растопчут ногами их тела.

Им вновь овладела жажда мести и он видел перед собой тот день, когда обученные обращению с луком дикари повергнут в прах яванов.

В это время вернулись охотники, неся на себе истекающие кровью туши убитых оленей. Отряд сделал привал у подножья утеса, и с помощью дощечки для добывания огня был разведен костер.

Дикари принялись потрошить оленей. Подержав короткое время на огне вынутые внутренности, они тут же съедали их вместе со всем содержимым. Через некоторое время к охотникам подошла группа кочевников. Усевшись на корточках у костра, они, по обычаю груандисов, без предварительного приглашения стали истреблять потроха. Наевшись досыта, они целым потоком гортанных звуков прервали молчание. Их рассказ сильно взволновал слушателей.

— Ана, что говорят наши братья? — спросил Минати, лежа поодаль на мехах.

— Они говорят, что наши охотники окружили в лесу яванов и взяли их в плен. Это просто невероятно.

— Яваны взяты живыми в плен? — недоверчиво спросил богочеловек.

— Да, они так говорят.

Другие охотники, подошедшие несколько позднее, подтвердили потрясающее известие, прибавив, что двое взятых

в плен яванов скоро будут здесь.

— Их повели в главное стойбище, чтобы зарезать в честь тебя, повелитель,—объяснил Ана.

— А потом вы намереваетесь их съесть? Дикари вы! Воюющие животные!

Его кровь явана закипела при этой мысли. Но тут же перед ним встала забавная сторона этого происшествия. Он представил себе растерянный вид надменных силачей, очутившихся на поводу у низкорослых дикарей. Эта мысль рассеяла его гнев.

Голоса приближались и Минати, не желая ничего пропустить из этого забавного зрелища, приподнялся на локте, чтобы лучше видеть. Он велел подбросить веток в костер, так как наступала ночь.

Дикари посторонились и пропустили одного из пленников, который был немного выше их ростом. Вспыхнувшее пламя костра осветило пленника и столпившихся вокруг него груандисов.

— Да это женщина! — пробормотал Минати. — О, несчастная!

Приподнявшись, он вытянул вперед голову, чтобы лучше рассмотреть пленницу. Она шаталась от усталости и глазами загнанного зверя оглядывалась вокруг себя.

Движимый глубоким состраданием, Минати подумал:

«Она мне напоминает мою мать. У нее такие же волосы и такой же рост».

— Дарасева!..

Одним прыжком он очутился на ногах и с недоумением искал, кто мог произнести его имя.

— Неужели эта женщина?

Ему показалось, что он теряет рассудок. Неужели действительно эта женщина прошептала его имя?

— Дарасева! Дарасева! — звала она его и протягивала к нему свои руки.

Опершись о скалу, Минати крикнул сдавленным голосом:

— Действительно ли ты душа моей матери? Неужели твоими устами говорит ее нежный голос? Говори еще. Скажи мне...

— Что же она еще должна тебе сказать, чтобы ты, наконец, поверил своим глазам? — раздался чей-то голос.

Растолкав окружавших его дикарей, Куа очутился у огня.

— Посмотри, сынок! — смешно расставив кривые ноги, кричал он. — Посмотри-ка еще на это привидение и скажи, похоже ли оно на блуждающую душу.

Минати не замедлил с ответом. Вмиг очутился он возле матери и крепко сжал ее в своих объятиях. Он то отпускал ее, чтобы провести ее рукой по своему лицу, то вновь обнимал ее на глазах у остолбеневших дикарей. Жаба прервал его нежные излияния:

— Сын мой, мы хоть и привидения, но порядочно проголодались. Зажарь-ка нам оленьего мяса, но выбери кусок получше. Это будет для нас приятным разнообразием после крыс и ужей, которыми эти молодчики в продолжение долгих дней кормили нас.

Когда Таламару усадили и закутали в меха и когда Куа удовлетворил свой голод, Минати узнал, наконец, их трогательную и восхитительную историю.

Долгое время мать мысленно следовала за своим сыном. Каждый вечер, засыпая, она слышала его голос так же ясно, как он слышал ее голос. Но вдруг голос умолк.

— С этого дня мать твоя пришла к убеждению, что неведомая сила стала между вашими душами.

— А я, — промолвил юноша, лаская руку матери, — я же, с тех пор, что ты перестала призывать меня по ночам, решил, что яваны убили тебя.

Тогда пришел конец ее спокойствию, вызывавшему глубокое изумление во всем селении. Ею овладела не покидавшая ее ни днем, ни ночью неотвязная мысль — отправиться на поиски сына, где бы он ни был, хотя бы на другом конце света. Получив от пленных кое-какие отрывочные указания, она немедленно тронулась в путь.

— Надо было окончательно обезуметь, чтобы предпринять подобное путешествие, — возмущенно рассказывал Куа. — Но что поделать с женщиной, если ей что-нибудь взбредет в голову?

— Друг мой, — ласково заметила Таламара, — безумная

нашла второго безумца, который согласился ей сопутствовать.

Своей слабой рукой она нежно сжала его грубую огромную руку и дрожащим от волнения голосом сказала:

— Куа, верный друг моих юных лет, ты последовал за мною, чтобы защитить меня и разделить все опасности пути. Поверь, что сердце матери и друга преисполнено глубокой благодарностью к тебе.

— Да, мы недурно выкарабкались, — смеясь, ответил карлик, стараясь скрыть собственное волнение.

Путники долго шли, потеряв счет дням. В дороге они питались найденными в дуплах деревьев медом и ежевикой. Правда, у них в мешке было взятое из селения вяленое мясо, но они старались бережно расходовать его. Не раз подвергались они нападению волков.

— Раз, на моих глазах, Куа ринулся на большого волка и на месте задушил его. Однажды он топором расколол череп медведю. И еще я видела...

— Женщина, кто из нас рассказывает, ты или я? — притворно сердитым голосом перебил ее храбрец.

В конце концов они наткнулись на бродивших в лесу дикарей, которых поразила безобразная наружность Куа. Они действительно приняли его за духа неведомого рода и происхождения. Что за неоценимое преимущество быть самым уродливым человеком в мире!

— Вот она, сын мой, вся наша история. Но пусть я буду подвешен за большие пальцы ног, если я сегодня надеялся тебя встретить в обществе этих пожирателей потрохов. Кажется, они почитают тебя, как божество.

— Подожди до завтра, ты увидишь, во что превратился царапающий по кости мальчишка!

Изнемогавшая от усталости Цвет Шиповника засыпала. Минати прикрыл уснувшую медвежьей шкурой; сам он с Куа завернулся в меха и подсел с ним поближе к огню.

Наутро, как только занялась заря, караван двинулся дальше. Таламару уложили на носилки и четверо дикарей понесли ее. Минати и Куа шли рядом и беседовали между собой. За ними следовали охотники, сгибаясь под тяже-

стью дичи.

Куа заметил, что его юный друг не особенно охотно делится своими приключениями. Он рассказал о случившемся с ним лишь в общих чертах, не вдаваясь в подробности.

По его словам, он после бегства из селения попал в плен к груандисам, но сумел до такой степени очаровать их, что вскоре стал у них чуть ли не вождем. Какая-то непонятная стыдливость мешала ему быть откровенным до конца. Казалось, «божество» боялось оказаться смешным в глазах матери и друга.

Но когда Куа со смехом спросил его: «Но даже великому вождю, вроде тебя, не особенно весело всегда жить среди этих дикарей?..» — сдержанность покинула Минати.

— Здесь я властелин! — вырвалось у него. — Тогда как там, у надменных яванов, я был камнем, который пинком ноги можно было удалить с дороги, ничтожеством, на которое каждый мог плевать. Я был для них уродцем, оскорблением всей их расы! А здесь, среди низкорослых дикарей, я — гигант, повелевающий целым племенем!

— Сын мой, ты немало выстрадал, — глядя на него с сожалением, заметил Куа.

К вечеру появилась новая группа дикарей, и все мужчины пали ниц при виде «божества». Эти сцены повторялись много раз до прихода Минати на место главной стоянки, где он был встречен с большими почестями.

Охота на оленей была в этот раз необычайно удачна и дикари приписывали ее успех вмешательству «божества».

Минати велел устроить для путешественников ложа из свежей листвы в пещере, куда позже явились дикари со своими подношениями.

Внезапно ночная тишина была нарушена криками и стонами. Ана с ремнем в руках бросился к выходу.

— Это кричит безумная женщина. Она убила своего мужа, чтобы выйти замуж за меня, — смеясь, объяснил Минати.

— Тьфу, — сказал Жаба, не будучи в состоянии скрыть своего отвращения.

Он теперь начинал понимать, почему юноша так скром-

но умолчал о своей новой жизни. Заинтересованный, он хотел выпытать у юноши всю правду и для этой цели завел разговор о последних новостях в селении яванов, причем, как бы невзначай, упомянул имя дочери великого вождя, Лиласитэ.

Минати молчал, низко опустив голову. Он видел перед собой голубые глаза девушки, с состраданием глядевшие на него.

— Расскажи мне что-нибудь о дочери Виссили-Рора. Так же ли она хороша и свежа, как была, — неуверенным голосом спросил он Куа.

Отчеканивая каждое слово, карлик ответил:

— Дочь вождя облачилась в белый цвет. Она покрыла белой известью свое стройное тело и длинные косы.

— Что же? У нее умер отец? Мать?

— Она обесцветила себе волосы и тело в тот день, когда по селению пронеслась весть о твоей гибели. Она носит по тебе траур, Минати. Правду ли я говорю, Цвет Шиповника?

Вопрос вывел Таламару из задумчивости.

— Да, сын мой, он говорит правду, — ответила она. — Это прелестное дитя носит по тебе траур.

— Пусть она носит траур по мне, — глухим голосом ответил Минати. — Я умер для нее, как умер для племени и для всего народа яванов.

Глаза Жабы загорелись.

— Ты не запретишь народу вернуть тебя обратно. Крови своей не изменишь, — проревел он громким голосом.

«Божество» пожало плечами.

— Ненависть разверзла между нами глубокую пропасть, которую ничто никогда не заполнит.

Глава XIII

Мольбы и проклятия народа

Всецело отдавшись радости свидания с сыном, Цвет Шиповника не замечала, как бежит время. Счастье ослепило ее до такой степени, что она спокойно и равнодушно относилась ко многому, что в другое время оскорбило бы ее гордость яванки. Напротив, некоторые вещи подчас забавляли ее. По правде сказать, она почти не выходила из пещеры, куда Ана строго запрещал доступ груандисам, снедаемым любопытством увидеть вблизи мать их «божества».

Весельчак Куа, со своей стороны, охотно присматривался к этому странному народу, который ему раньше был известен лишь по встречавшимся в яванских селениях пленникам. Но это ему быстро прискучило и его хорошее настроение сменилось глубоким отвращением к позорному существованию окружавшей его среды.

Несмотря на то, что судьба мало баловала его, карлик чрезвычайно гордился своей принадлежностью к народу яванов. Соприкосновение с этими дикарями, их животные нравы, их наречие, напоминавшее звериный вой, — все это было ему глубоко противно и оскорбляло его достоинство. Он не понимал, как мог яван прожить долгое время среди этих людей-зверей.

Он не мог отнестись серьезно к смутным угрозам о мести, вырывавшимся порой у Дарасевы. Куа был глубоко уверен, что юноша переживал кризис. Карлик надеялся, что, когда он убедится в искреннем раскаянии своих преследователей, он, не колеблясь, бросит это сборище дураков, воздающих ему божеские почести и, не колеблясь, вернется в свое селение.

Но юноша не доверял раскаянию яванов. Ему казалось, что Куа нарочно придумал этот предлог, чтобы поколебать его решение остаться у груандисов. Напрасно ссылался карлик на показания матери. Дарасева считал невероятным, чтобы яваны, недавно лишь требовавшие его смерти, вдруг,

ни с того ни с сего, сочли его избранником божьим.

Та же неудача постигла Куа, когда он стал осторожно намекать на бедствия, нависшие над племенем и над всем народом яванским, и на угрожавшую им опасность вторжения иноземцев. Однажды, коснувшись в разговоре угнетенного состояния духа яванов, расстроенных течением целого ряда дурных предзнаменований, он старался доказать, что в подобный момент каждый должен забыть про свои личные обиды, на что получил насмешливый ответ Минати:

— Неужели ты думаешь, что я кинусь на помощь людям, которые лишили меня даже права на жизнь? Такой поступок был бы с моей стороны не искренним, так как в глубине души я желаю, чтобы их постигли всевозможные несчастья, которых они вполне заслуживают. В тот день, когда я смогу им доказать свою ненависть не только на словах...

— Ты богохульствуешь! — воскликнул возмущенный карлик. — Если в минуту горя твой народ взывает к тебе — ты обязан откликнуться на его зов. Животные, и те помогают друг другу. Это естественный закон и горе тому, кто его преступит.

— Что бы ты сделала, — спросил он, обратившись к Таламаре, — если бы твой народ обратился к тебе за помощью?

На губах матери промелькнула гордая улыбка.

— Мой народ — это он, — указав на сына, ответила она.

Заметив, что Куа огорчен ее ответом, она тут же прибавила:

— Друг мой, я ведь только женщина, и мой народ обрек меня на всевозможные страдания во имя своих великих заветов.

— Я же, — воскликнул карлик, встряхнув своей уродливой головой, — хотя я только шут, которым забавляются дети, и забавное существо, над которым потешаются женщины, тем не менее, я горжусь своим народом и если ему нужна моя кровь, я охотно отдам ее.

— Что касается меня, — насмешливо произнес Минати, — то мое мнение, что не надо становиться рабом своего народа. Если твой народ тебя угнетает, удались от него и

ищи счастья в другом месте, что я и сделал. Я нашел другой народ и остаюсь с ним. Прими во внимание, мой друг, что этот народ меня обожает, в то время как мои соплеменники, чьим именем ты меня призываешь и к которым ты меня хочешь вернуть, — чуть было не переломали мне все кости.

— Я уже тебе говорил, — возразил выведенный из терпения Куа, — что все племя проклинает фанатиков, восставивших его против тебя, и глубоко сожалеет о происшедшем. Я тебе еще раз повторяю, что все племя смотрит на тебя, как на избранника богов, постигшего тайну на расстоянии метать молнии.

— Дружище Куа, я начинаю тебя понимать. Избранник богов! Слишком грубая приманка, чтобы завлечь меня в ловушку. Когда я им открою тайну моего лука, эти самые боги, чьим избранником я являюсь сегодня, — потребуют моей головы.

— Ты не имеешь права говорить таким образом...

— Ваши боги, яваны, — гневно промолвил возмущенный юноша, — ваши боги — гнусные существа, жаждущие упиться человеческой кровью. Когда вы говорите, что я их избранник и что они мне ниспослали вдохновение, вы этим оскорбляете меня. Моя мысль сама постигла сокровенные тайны. Я сам себе божество.

— Ты опьянен тщеславием, как мы, яваны, упиваемся медом. Ты опьянен гордостью и это заставляет тебя говорить безрассудные вещи. И я начинаю тебя понимать. Гордость до такой степени ослепила тебя, что ты серьезно смотришь на алтарь, воздвигнутый людьми-зверями твоему тщеславию.

В присутствии злобно усмехавшегося Дарасевы и матери, погруженной в свои мечты, карлик выложил все, что у него наболело на душе, и без стеснения высказал все свое презрение к Минати. Он раньше думал, что «богочеловек» просто забавляется, как ребенок игрушкой. Он надеялся, что эта игра ему скоро надоест и что чувство гадливости к жизни дикарей в конце концов образумит его.

— Ты даже перестал замечать, что твои почитатели, поклоняющиеся тебе, как божеству, самые презренные существа, которые когда-либо оскверняли землю. Когда они тебя еще не почитали, ты смотрел на них, как на стадо зверей. Теперь же, когда их почести зажгли твое тщеславие, ты стал говорить о них, как о народе и даже утверждаешь, что они такие же люди, как все. Разве можно назвать людьми эти жалкие создания, которые даже не в состоянии выпрямить как следует спину и поднять кверху свои отвратительные лица, напоминающие морды диких кабанов? Нельзя же в самом деле считать людьми этих отвратительных дикарей, убивающих своих стариков, когда ими овладевает страх перед голодом. Все эти ужасы уже не трогают тебя. Что ж! Груандисы могут гордиться делом своих рук. «Богочеловек» опустился до их уровня.

Дарасева был слегка смущен, но с снисходительной улыбкой, не покидавшей его губ, выслушал до конца негодующие речи карлика.

— Я избрал свой путь, — ответил он, пожав плечами.

— Но ты будешь на нем одинок, — продолжал Куа. Его гнев утих и сменился печалью. — Я отказываюсь вернуть тебя на путь истины. Я пойду к моим братьям и передам им, что им нечего больше рассчитывать на тебя.

Было решено, что Куа скоро отправится в обратный путь. Несколько дикарей, под предводительством Ана, должны были сопровождать его до опушки большого леса, находившегося на расстоянии двухдневного пути от страны яванов. Дарасева приказал, тайком от карлика, приготовить носилки с теплыми мехами и запасом пищи.

Накануне того дня, когда Куа должен был покинуть селение дикарей, Дарасева с утра ушел куда-то, захватив с собой нескольких груандисов. Матери и Куа он объяснил, что хочет поохотиться на диких кабанов и в честь гостей настрелять дичи.

Спустя два часа после его ухода, ослепительное солнце рассеяло нависший над лесом туман, как бы маня карлика выйти на воздух из душной пещеры, где Таламара была занята стряпней.

Накинув теплый плащ из волчьей шкуры и захватив с собой топор и дротик, карлик шел без определенной цели, внимательно разглядывая снег в надежде обнаружить на нем следы какого-нибудь зверя, за которым он мог бы поохотиться. Вместо этого он обнаружил на снегу следы человеческих ног. Сразу же узнал в них следы Минати и сопровождавших его груандисов. От нечего делать, Куа захотел узнать, удачная ли у них была охота.

Идя около получаса по следам, он услышал голоса. Поднявшись на холмик, он сквозь ветви увидел Дарасеву и дикарей, но ввиду того, что их разделяло слишком большое расстояние, Куа не мог разглядеть, что они делали. Приблизившись неслышным шагом охотника, он разобрал, в чем дело: Дарасева показывал пяти груандисам, как обращаться с луком.

Карлик весь задрожал, как будто бы на его глазах происходило какое-то ужасное несчастье. Тем не менее, он постарался овладеть собой и, подойдя к юноше, тронул его за плечо. Тот от неожиданности привскочил:

— Ах, это ты, друг мой!

— Меня сюда привели боги, чтобы потребовать у тебя отчета в твоих поступках.

— Какого тебе еще надо отчета? Неужели ты не видишь, в чем дело? Боги могли бы тебя избавить от прогулки по глубокому снегу. Я выбрал наиболее способных охотников моего народа, чтобы показать им, как метать молнии.

— Для какой цели? Говори!

— Я хочу научить их охотиться на редкую дичь. Можешь поделиться этой новостью с богами, приславшими тебя.

— Неужели в твоей голове могли возникнуть кощунственные намерения?.. Я не поверю, чтобы ты вздумал вооружить этих дикарей твоим луком и натравить их на твой народ. Неужели ты настолько обезумел в своей ненависти?

— Я доведу свою ненависть до конца, — медленно говорил Дарасева, устремив на карлика пристальный взор. — Первоначально мой лук должен был служить лишь для преследования дичи, но теперь я решил сделать из него бое-

вое оружие. Отныне мой лук, в руках хоть слабого, но ловкого человека, может повергнуть в прах сильного гиганта. Благодаря мне угнетенные народы свергнут с себя иго рабства. И вы, надменные яваны, столь гордые своим ростом, скоро обратитесь в бегство при одном приближении моих пигмеев.

Карлик, с искаженным лицом и хищно оскаленными зубами, едва держался на своих кривых ногах. Он сжал огромные кулаки, а в глазах у него забегали недобрые огоньки.

Казалось, он вот-вот кинется на отступника и его могучие руки, передувшие на своем веку немало волков и медведей, вцепятся ему в горло.

Его вид заставил Дарасеву отскочить; ухватившись за рукоятку топора, он уже готовился отразить нападение.

Внезапно карлик закричал хриплым голосом и сделал необычайный прыжок, за которым последовал душераздирающий крик. Груандис, державший лук, замертво упал, сраженный необычайным ударом карлика. Выхватив у него лук, Куа встал, потрясая ужасным оружием, и крикнул вне себя от ярости:

— Ты его не употребишь против людей твоей крови. Я уничтожу это изумительное изобретение, тайну которого боги открыли тебе, чтобы возвеличить твой народ, и которое ты, безумец, хочешь обратить против него.

Кипя от негодования, он яростно переломил коленом прут и зубами перегрыз ремень. Не переставая посылать проклятия, он ногами растоптал остатки.

Подняв голову, он вызывающе смотрел на Дарасеву. Но богочеловек расхохотался.

— Дружище Куа! Ты достоин смерти за убийство одного из моих людей. Но ты сумел меня рассмешить своим гневом, и я милостиво прощаю тебя.

— Я не нуждаюсь в твоём прощении, — проворчал карлик, обеспокоенный насмешливым тоном Дарасевы.

— Прежде чем рассказать моим братьям, что ты уничтожил мое могущество и обезоружил мою жажду мести, посмотри-ка, старина Куа! Лук, который ты с такой яростью сломал, был игрушечным луком, моим первым опытом.

Вот мой новый лук и о его силе ты будешь судить по результатам.

Схватив висевшие на ветвях дерева лук и стрелы, он увлек за собой Жабу, чтобы тот на деле мог убедиться в дальнбойности его оружия.

Тщательно отсчитав двести шагов, он топором сделал на стволе дерева зарубку и вернулся к исходной точке. В воздухе просвистела одна стрела, а вслед за нею и другая. Обернувшись к Куа, стрелок со смехом сказал:

— Ну, друг мой! А на это ты что скажешь? Что с тобой? Ты плачешь?

Впервые в его жизни, из глаз карлика текли слезы. При виде их Дарасева почувствовал себя неловко и дал ему удалиться.

Придя в пещеру, он застал там Куа со своей матерью, и он понял по их глазам, что они оба плакали. Причину их печали ему нетрудно было отгадать. Он старался скрыть свое волнение, говоря о пустяках.

Но, усевшись на корточки перед блюдом из коры, на котором лежали куски жареного мяса, он не удержался и сказал:

— Час разлуки всегда бывает тягостен...

— Нет, не в этом дело, — пролепетала мать, — не разлука вызывает у нас слезы... Куа рассказывал мне много такого, что было непонятно моему женскому сердцу. Но тебе, как мужчине, это должно быть близко и понятно. При его рассказах о бедствиях нашего народа у меня что-то оборвалось в сердце.

— Полно, мать! Перестань. Осуши свои слезы.

Куа быстро поднялся. Бесконечное страдание отражалось в его влажных глазах.

— Я плакал, как ребенок. Я оплакивал своих соплеменников, под напором невзгод униженно склонивших свои гордые головы. Испокон веков наш могущественный народ боролся против зверей за свое место под солнцем; сражался с людьми, преграждавшими ему доступ в предназначенную ему самими богами страну; боролся со стихиями, грозившими стереть его с лица земли. Из этой борьбы

он вышел победителем. Он овладел даром речи, научился обращаться с оружием, добывать огонь. И так медленно развивался народ, народ настоящих людей. Теперь же на моих глазах этот великий народ подвергается смертельной опасности. Залог его спасения и мощи в руках одного из его сынов, но он отказывается прийти на помощь своему народу. Вот истинная причина моих слез.

Устремив неподвижный взгляд на огонь, Дарасева не прерывал карлика, воплощавшего в своем уродливом теле душу этого великого народа, чье могущество Дарасева, озлобленный безумец, хотел сломить.

— Я вернусь к моему народу и вновь буду сражаться в рядах его славных воинов, но воспоминание обо мне будет тебя преследовать. Ты тогда поймешь, что мы дети одного великого целого, которое зовется расой. Понадобились бесчисленные поколения наших предков, чтобы наши умы и наши сердца достигли своего теперешнего развития. Ты убедишься, что дикари воздают почесть не тебе, а в твоём лице преклоняются перед Сынами Солнца, народом яванов, который научился добывать огонь. И этому же народу ты обязан основой твоего могущества — луком, и всем твоим творческим умом.

Но Дарасева по-прежнему безучастно молчал в то время, как лилась взволнованная речь карлика.

Глава XIV

Пробуждение

Укутавшись в меха, Дарасева прислушивался к мерному дыханию матери и Куа. Он завидовал их сну. Сразу после разговора с карликом он бросился на свое ложе и уже несколько часов ворочался, тщетно пытаясь уснуть.

В ушах Дарасевы все еще продолжали звучать пламенные речи Куа.

«...Ты — дитя великого целого, которое зовется расой. Тысячи поколений предков образовали твой ум и сердце...»

Костер уже догорал и в пещере было темно. Юноша приподнялся на своем ложе, с тоской вглядываясь в завешенный мехами вход: не забрезжит ли рассвет?

— О, какая долгая, бесконечная ночь!

Он задремал было. Но жуткое видение потревожило его сон. Какое-то дуновение, чудилось ему, коснулось его лица. Он открыл глаза, убежденный, что кто-то склонился над ним и произнес:

«Это я, обездоленный народ, которому дитя его отказывается протянуть руку помощи...»

Подавив крик ужаса, юноша вновь обратил свои взоры к выходу из пещеры.

Ах! Как медленно встает заря.

Он вновь погрузился в дремоту. Но порыв ветра, прорывавшись через меха, закрывавшие вход, казалось, нес с собой вой и свист человеческих голосов:

«...Они в твоём лице преклоняются перед народом яванов, Сынов Солнца...»

И еще слышались плачущие голоса:

«...К тебе взывает народ в своём несчастье...»

Весь в жару, Минати хотел встать, но раздавшийся вблизи крик совы заставил его вздрогнуть и еще плотнее укутаться в меха. Зловещие крики повторялись. Казалось, что в ночной тишине стонут блуждающие души.

Ему захотелось почувствовать возле себя живое существо. Когда он опять стал прислушиваться к дыханию спящих, то в ушах у него вновь зазвучал тот же таинственный голос, но теперь в нем было еще больше печали и гнетущей тоски.

«... Это мы... это мы... это мы...»

Дарасева вдруг заметил бледный луч, пробивавшийся в щель между стеной и закрывавшими вход мехами. Он быстро вскочил, обрадованный. Наконец-то занимался день, который принесет ему избавление от осаждавших его призраков и кошмаров. Но, отстранив быстрым движением руки меха у входа, он убедился, что это был отблеск падавшего большими хлопьями снега. Когда он шел обратно к своему ложу, в костре вспыхнула тлеющая головешка, отбрасывая на стенах пещеры мелькавшие тени. Его испуганному воображению они показались силуэтами людей, а жалобные стоны, которые во сне издавала его мать — их голосами.

Вместо ожидаемых проклятий за свое отступничество, он услышал мольбы предков, и это решило исход его внутренней борьбы. Сердце Дарасевы радостно забилося и он запел хвалу своему народу.

Подбросив в огонь еще дров, он решил терпеливо дожидаться утра. Сидя у костра, он мысленно представлял себе радость матери и Куа, когда он им сообщит счастливую весть. Но внезапно какая-то мысль поразила его и он быстро подошел к спящему Куа.

— Друг мой, вставай! Нам необходимо скорей уходить отсюда...

— Я вижу сон... я брежу... — бормотал разбуженный толчком юноши карлик.

Но Дарасева уже направился к ложу матери и нежно будил ее:

— Мать! Это я, дорогая. Торопись, мы сейчас уходим отсюда. Пламенные речи Куа рассеяли мою безумную гордость!

— Я была уверена, — просто ответила Таламара, — что зов народа проникнет в твое сердце.

— Боги нам покровительствуют, сын мой, — заметил карлик. — Снег заметет наши следы.

— Разве ты боишься погони?

— Если мы будем медлить, то эти дикари воспротивятся нашему уходу и обвинят меня, несчастного Жабу, в похищении их божества. Я тогда буду вынужден размозжить головы и разбить рыла нескольким десяткам твоих почитателей.

Он снова превратился в весельчака Куа. Надев поверх туники из оленьей шкуры еще буйволоный плащ, он привязал к поясу топор и нож и свернул меха для подстилки. Прodelав это, он помог Шиповнику и Дарасеве приготовиться в дорогу. Сборы были быстро закончены. По расчетам Куа, они на рассвете уже должны были отойти на большое расстояние от стоянки.

Куа, с горящей головешкой в руке, пошел вперед. Откинув закрывавшие вход меха, он вышел из пещеры. Перед ним внезапно вырос на фоне белеющего снега чей-то темный силуэт.

— Кто ты такой? — недовольно проворчал Куа, готовый кинуться на незнакомца.

— Я — Ана. А ты, проклятый яван, пришел сюда, чтобы похитить у нас того, кто властвует над огнем и молнией. Я тебе говорю...

Но он не успел произнести своей угрозы: копьё Куа пронзило его. Когда Куа, выпустив из рук головешку, нагнулся, чтобы вынуть вонзившееся в тело Ана копьё, он услышал позади себя нечеловеческий крик, за которым последовало громкое проклятие Дарасевы. Это кричала Осса, женщина, преследовавшая Дарасеву своей любовью. Она инстинктом почувствовала, что «божество» навсегда покидает ее и с диким воем уцепилась за него.

— Убей ее! — крикнул разъяренный карлик, — а то они нас перебьют.

Она в бешенстве кусала руку Дарасевы, которой он зажал ей рот, чтобы заглушить ее вопли. Но подоспевший карлик сильным ударом по затылку прикончил ее на месте, после чего, схватив Цвет Шиповника за руку, он быстро увлек

ее за собой, невзирая на бушевавшую снежную вьюгу.

Внезапно ночную тишину прорезал жалобный крик, за ним раздался другой. Скоро безмолвный лес наполнился хриплыми, душераздирающими стонами, несмотря на густую пелену снега, ослаблявшую шум и заглушавшую эхо. Невидимые голоса жалобно плакали и звали на помощь. То плакало племя, покинутое своим «божеством». Потрясающая весть об этом разнеслась из пещеры в пещеру.

— Мани або-о-о-о... Мани або-о-о...

Звери, разбуженные человеческими воплями, принялись в свою очередь рычать, и протяжный вой волков, заглушая крик шакалов, жутко звучал вдали.

— Мужайся, Шиповник, — подбадривал Куа, освещая путь головешкой.

— Ты не устала, мать? — спрашивал ее Дарасева.

— Нет, — неизменно отвечала мужественная женщина.

Крики доносились теперь со всех сторон и быстро достигали беглецов. Рассеянные по всему лесу, отдельные стоянки дикарей оповещали друг друга о несчастье, переключаясь между собой.

Куа внезапно остановился. Потушив о снег головешку, он прошептал:

— Мы окружены... Они нас настигли...

— Дай мне оружие, — попросила Цвет Шиповника и взяла у него из рук топор. Все трое притаились у подножия большого дуба.

Крики приближались и становились все громче. Снег больше не падал такими большими хлопьями. На небе занималась заря.

Вдруг совсем близко от дуба захрустела сухая ветка. Это был грундис. Согнувшись и наклонив голову, он отыскивал на снегу следы беглецов. За ним следовали еще другие. Четыре, пять, шесть... — сосчитали их беглецы. Когда они поравнялись с дубом, карлик без малейшего звука и шума сделал невероятный прыжок, двум из них он тут же размозил головы. Дарасева в это время раздробил череп третьему.

Быстро мелькали в воздухе безжалостные руки карлика. Его пальцы, твердые, как кремь, впиваясь в тело, дро-

бя кости и убивая на месте — сеяли вокруг него смерть. Один дикарь, от ужаса блея, как овца, готовился было ударить, но был настигнут карликом. Схваченный за затылок его руками, он упал замертво.

Беглецы, преследуемые жалобными стонами, пошли дальше. Скоро они миновали область заселенных пещер и радостными криками приветствовали солнце, выглянувшее из-за серых туч. Теперь им уже нечего было опасаться: на своем пути они могли встретить только небольшие группы кочевников.

Дорога беглецов шла через дремучий лес. Руководясь солнцем, они медленно продвигались на восток. С наступлением ночи они забирались в какую-нибудь пещеру или яму на склонах холмов, разводили там огонь и жарили на нем дичь, добытую стрелами Дарасевы. Часто они вынуждены были из-за снега или дождя целый день оставаться в пещере.

Время шло незаметно. Веселые рассказы или героические сказания Куа сокращали путь.

Усевшись у костра, Дарасева точил стрелы, мать чинила меховые одежды, а Куа в это время рассказывал им давно забытые предания их народа. Эти изумительные легенды вели начало от Ява, божественного героя, ниспосланного солнцем на землю вместе со своей сестрой Явой. Они оба считались прародителями Народа Настоящих Людей.

Разговор их редко касался прошлого, а еще реже будущего. Они всецело были поглощены событиями и заботами дня. Их беспокоило, надолго ли им хватит запасов мяса. Найдут ли они к вечеру пещеру, где смогут укрыться на ночь. Не потревожат ли медведи их ночной покой.

Они не падали духом даже в самые тяжелые минуты, когда им приходилось идти по равнине, где ноги по колено увязали в снегу. Шиповник старалась преодолеть свою усталость, напевая какую-нибудь песенку своего далекого детства, что доставляло ее сыну большое удовольствие, так как он никогда не слышал пения своей матери. Черты ее лица, преждевременно увядшие от двадцатилетних невзгод, вновь расцвели. Когда сын и Куа с удивлением смотрели на ее по-

хорошевшее от счастья лицо, она смущенно объясняла им:

— Я вдыхаю жизнь полным ртом. Мое сердце слишком мало, чтобы вместить всю мою радость. Моя душа рвется навстречу заре нашей новой, прекрасной жизни.

Она не раз доставляла доказательства своего чудесного возрождения. Когда однажды в сильную бурю на них напала стая голодных волков, она боролась с ними наравне со своими спутниками. В другой раз, в отсутствие мужчин, ушедших на охоту, к ней в пещеру ворвался медведь. Кидая в него горящими головешками, она до возвращения охотников держала хищника на почтительном расстоянии.

Но по мере продвижения на восток, ежедневные заботы отошли на задний план и уступили место мыслям о близком будущем.

Куа нахмурился, думая об угрожающих их народу опасностях. Таламара тревожно спрашивала себя, как отнесется селение к ее сыну. Ее материнская гордость рисовала ей картины торжественного приема. Дарасева же с каждым днем все сильнее чувствовал всю ответственность возложенной на него миссии и всеми силами своего существа готовился к ней.

Теперь, когда он был так уверен в своей силе, пережитые унижения даже возвышали его в собственных глазах. Он не представлял себе лучшего вознаграждения, чем вручить народу, по вине которого он перенес столько страданий, — оружие победы. Он весь горел воодушевлением. Ему казалось, что его вдохновляют предки, некогда давшие народу могущество и красоту. Он обращался к их теням, призывая их в свидетели своего искреннего желания работать на благо народа.

Целый лунный месяц прошел с тех пор, как путники покинули стоянку груандисов. Однажды вечером они заметили на прогалине леса следы. Куа сразу же определил, что тут недавно проходили их соплеменники с женщинами и детьми. Действительно, через час целый отряд яванов догнал путников и поделился с ними своими злоключениями.

Они принадлежали к племени с Соммы, которое недавно подверглось нападению пришедших с Далекого Востока рыжеволосых людей. В начале зимы рыжеволосые опять напали на яванов и разгромили их селения, вынудив несчастных покинуть свои области и отправиться на юг, на поиски новой родины.

— Братья, — со слезами на глазах жаловался им один старик. — Дурной ветер принес яванам целый ряд несчастий. За те две луны, что мы находимся в пути, нам приходится каждый день встречать наших соплеменников, изгнанных из своих селений рыжеволосыми дикарями.

— Я вчера слышал, — таинственно сообщил им один воин, — что на нас тяготее проклятие богов с тех пор, как мы умертвили их избранника, умевшего метать молнии.

— Братья! Тот, кто умеет метать молнии, еще жив и ниспослан богами для спасения своего племени, — торжественно ответил им Дарасева.

К вечеру следующего дня Дарасева издала узнал верхнюю долину Меде, где он жил после бегства из селения. Она была заселена беглецами.

— Вы не найдете у обитателей Везера свободного места для жилья, — предупредили они Дарасеву. — Это единственные свободные пещеры, которые они нам предоставили поблизости от себя.

— Да смиляются над нами боги, — с глубоким вздохом произнес один старик. — После вторжения ганни, изгнавших нас из наших селений на Марне, нам еще, верно, придется терпеть голод.

— Да будут прокляты яваны с Везера! — воскликнул один воин. — Они предали нечестивым груандисам того, кто бы мог нас спасти.

Со всех сторон слышались жалобы и проклятия. Дарасева, сидевший на корточках у костра, медленно поднялся. Уже стемнело и пламя освещало его лицо.

— Братья! Пусть вселится надежда в ваши сердца, — торжественно прозвучал его голос. — Тот, кто мог принести вам спасение, не находится больше в плену у груандисов...

— Брат, расскажи нам все, что тебе известно о нем, — за-

дыхаясь от волнения, воскликнули изгнанники.

— Мне известно...—начал юноша, но его прервали охотники, явившиеся за головешкой, чтобы осветить себе дорогу в селение.

Увидав озадаченное пламенем лицо Дарасевы, один из них вскрикнул от изумления:

— Брат, не тот ли ты, чье имя мы больше не смели произносить? Брат! А ты меня разве не узнаешь? — пробормотал он. — Я...

И, с криком радости, он бросился перед Дарасевой на колени. Остальные последовали его примеру и все присутствующие сразу пали ниц перед надеждой и спасителем расы.

Звуки бизоньих и буйволовых рогов внезапно прорезали ночную тишину, разнося по горам и долам благую весть.

Глава XV

Окрыленные надеждой

Охотники, гордые выпавшей на их долю честью принести в селение добрую весть, недолго думая, отправились в путь. Пещеры, разбросанные по склонам холмов, выделялись в ночной темноте огненными пятнами костров, разложенных у входов. Обитатели их, встревоженные прозвучавшими среди ночи звуками рогов, терялись в догадках и не могли понять значения этих сигналов: их напуганному воображению мерещились новые напасти.

— Братья! Он вернулся! Вернулся умеющий метать молнии, — бросил им на ходу один из охотников.

Каждый, у кого только имелся рог, тут же принимался яростно трубить, и эхо разносило далеко по холмам радостные звуки.

Когда охотники, принесшие благую весть, добрались, наконец, до селения, они застали всех его обитателей уже на ногах. Несмотря на врожденную боязнь темноты и на ночной холод, женщины и мужчины перебежали из пещеры в пещеру, тщетно спрашивая всех про значение этих таинственных сигналов. Обрушившиеся на весь народ тяжкие испытания держали племя в напряженном состоянии постоянной тревоги.

Не обращая внимания на осаждавших их своими вопросами жителей, гонцы прямо направились к пещере вождя и один из них, по имени Черный Бык, крикнул еще с порога:

— Да будут благословенны боги, Виссили-Рора, мы несем тебе весть великой надежды. Усыновленные солнцем яваны...

Но его торжественное вступление было прервано другим гонцом, воскликнувшим:

— Вернулся тот, кто мечет молнии...

— Брат, ты, верно, потерял рассудок, — недоверчиво ответил вождь, лежавший у огня.

— Мы сами видели его и даже слышали его голос.

— Мы его встретили у источника Мезэ вместе с его матерью и карликом, — прибавил другой.

Избранный вождь племени быстро поднялся на ноги.

— Могущественные покровители нашей расы, неужели это правда? — воскликнул он

— Отец! — крикнула прибежавшая Лиласитэ. — Выйдем скорее навстречу Минати.

Но раздавшийся ропот окружающих напомнил ей о запрещении называть Дарасеву (друга богов) данным ему надменными яванами насмешливым прозвищем. Сильно смутившись, Аиласитэ отошла в сторону.

Великий вождь решил немедленно созвать совет старейшин и велел для этой цели три раза протрубить в буйволо-
вый рог.

Старейшины селения не заставили себя долго ждать. Вместе с ними на совещание пришли видные представители других племен. Самым выдающимся из них был Нанак-Сангара, вождь племени с Сены. Он лишь накануне прибыл в селение вместе со всем своим народом. Его исполинская фигура привлекала всеобщее внимание, а печальное лицо, на которое целый ряд несчастий наложил свой отпечаток, — вызывало глубокое сочувствие. Во всем селении не нашлось никого, у кого бы хватило духа открыть ему, что изгнанник — его собственный сын. Теперь же, когда весть о возвращении Дарасевы разнеслась повсюду — никто не решался прославлять в нем отца героя, так как всем было известно, что Нанак-Сангара, во имя сурового закона расы, некогда пожертвовал своим сыном.

После долгого совещания было решено рано утром отправить депутацию старейшин, дабы они могли лично убедиться, насколько верна принесенная охотниками потрясающая новость. Вслед за этой депутацией должна была отправиться вторая, на которую была возложена обязанность принести торжественные извинения Дарасеве от имени всего племени.

Народ, однако, не стал дожидаться решения совета. Ночью целые семьи, невзирая на инстинктивную боязнь темно-

ты, населенной, по их понятиям, злыми духами и блуждающими душами, храбро направились к источникам Везера, громко прославляя на ходу имя Дарасевы. Вся долина наполнилась эхом их радостного припева: «Вернулся спаситель расы!»

Первые паломники еще задолго до наступления зари достигли пещеры, где находился избранник богов. У входа собралась радостная толпа.

Жители селения, ранее знавшие Дарасеву, дрожали при мысли о том, что им предстоит очутиться рядом с тем, кого они некогда заклеямили своим презрением. К их удивлению, однако, Дарасева принял их приветливо и расспрашивал о разных новостях в селении. При известии о прибытии отца, которого вторжение рыжеволосых ганни заставило покинуть родные долины, он едва подавил овладевшее им волнение. Возложенная на него высокая миссия возвышала его над всем окружающим и он должен был казаться нечувствительным к житейским делам. Но рассказ одного из путников о том, что Виссили-Рора, чтобы укрепить свой союз с могущественным вождем Гаронны, обещал выдать за него замуж свою дочь, — поразила юного изобретателя в самое сердце. Прекрасная Лиласитэ, чей светлый образ преследовал его в изгнании, была для него навеки потеряна.

— Да будет на то воля богов, — пробормотал он, оправившись от волнения.

Вдруг мать, тщетно искавшая, чем бы рассеять его горе, радостно воскликнула:

— Посмотри, сын мой, кто пришел тебя приветствовать!

Дочь великого вождя, отправившаяся ночью из селения вместе со скромными паломниками, внезапно появилась на пороге пещеры.

При виде Дарасевы, сильное волнение на мгновение скрывало ее члены. Придя в себя, она схватила обе руки Цветка Шиповника и погладила себя ими по лицу.

— Мать! Я жаждала тебя видеть... вас обоих... Я вас так горько оплакивала...

Она робко подняла на Дарасеву свои прекрасные глаза, на которых блестели слезы, но он, с мягкой улыбкой на гу-

бах, нежно отстранил пытавшиеся обнять его руки.

— Лиласитэ, я теперь равный среди своих соплеменников. Я принес себя в жертву своему народу.

— Я знаю и верю, что ты спасешь свой народ, — восторженно ответила она. — И имя твое будет прославлено на веки веков.

Солнце ярким светом озарило безоблачное небо. По знаку Дарасевы все тронулись в путь. Впереди, распевая воинственные песни, шел народ. Время от времени мужчины трубили в бизоньи рога. На каждом шагу к шествию присоединялись все новые и новые толпы шедших приветствовать юного изобретателя. Каждый раз, как процессия проходила мимо пещер, оттуда неслись одни и те же вопросы:

— Братья! Правда ли, что он вернулся?

— Да, он вернулся. Боги смилостивились над нами, — звучал неизменный ответ.

Когда начало процессии уже входило в селение, ее встретила депутация старейшин. Вопрос вождя — вполне ли народ уверен, что он привел именно того, кого все с таким трепетом ожидали, — был встречен презрительным взглядом толпы, которой сомнение казалось кощунственным.

Не будь при этом Куа, который, гордо выпрямив свою крошечную фигурку, шел во главе процессии, — толпа побила бы камнями недоверчивых старейшин.

Все население высыпало из пещер. Виссили-Рора с трудом пробился через толпу, громкими криками выражавшую свой восторг. Взмахом своего жезла он установил тишину:

— Друг мой, — начал он, обращаясь к Дарасеве. — Да будет благословен твой приход. Мы оплакивали твою смерть. Она тяготела над нами, как тяжкое преступление и нечестивый поступок. Моими устами к тебе обращаются твои соплеменники. Обрадуй их своим прощением. Прислушайся к их полным скорби голосам и скажи им слова надежды и утешения. Словно стадо буйволов, лишенное своего вожака, народ яванов, забыв, что его предки некогда завоевали мир, беспомощно мечется в заколдованном кругу. Если ты истинный избранник богов, верни веру в наше высокое предназначение. Спаси нас, владыка молнии.

— Спаси нас! — слышались со всех сторон отчаянные мольбы толпы.

— Великий вождь, — торжественно ответил юноша Виссили-Роре. — Могущественный гений нашей расы вложил в мои руки оружие, которое повергнет в прах наших врагов. Да преисполнятся надеждой сердца наших соплеменников. Я открою тайну моего изобретения всем воинам племени и мы станем непобедимыми.

Потершись лбом о лоб вождя, Дарасева обменялся с ним знаками дружбы. После этого Виссили-Рора горячо приветствовал мать героя, причем назвал ее именем, которым ее звали в селении.

— Друг мой, я не желаю больше называться Источником Слез. Мои слезы отошли в область прошлого. Мое настоящее имя Цвет Шиповника, — обрадованная, громко возразила она, заметив вблизи себя Нанак-Сангара, по-видимому, не узнавшего ее.

При этих словах вождь племени с Сены выпрямил свою исполинскую фигуру, сторбленную от тяжелых испытаний, и его оцепеневший взгляд загорелся огнем.

...Цвет Шиповника... Он с тоской оглядывался по сторонам, тщетно стараясь угадать, кто произнес это имя и разобрал в его сердце еще не зажившие раны. Вдруг взор его упал на женщину с поседевшими волосами. Он с досадой отвернулся от нее: в его памяти сохранилось свежее, дышавшее юностью личико, обрамленное золотистыми косами. Встретившись взглядом с этой пожилой женщиной, он вздрогнул. Но в этот момент толпа, сторавшая от нетерпения увидеть вблизи героя, оттеснила его назад.

По предложению Виссили-Рора, воодушевленного желанием поднять дух племени, Дарасева решил в скором времени показать перед всем народом свое изобретение.

Вновь затрубили буйволы рога, созывая всех жителей близлежащих долин. В дальние же стоянки были посланы гонцы.

Куа, при помощи многочисленных охотников, лихорадочно готовился к торжеству. Он был занят установкой ряда кольев на расстоянии двадцати пяти шагов друг от друга,

когда вдруг заметил в толпе вождя своего племени.

— Воспрянь духом, Нанак-Сангара, — весело окликнул он его. — Тяжелым испытаниям пришел конец! Разве можно быть печальным, найдя сразу любимую жену и прославленного сына! — тут же прибавил он.

Вождь, с высоты своего исполинского роста, смерил растерянным взглядом карлика. Куа тем временем движением руки подозвал Цвет Шиповника.

Увидев ее, Нанак-Сангара глухим голосом произнес:

— Брат, несчастья сокрушили меня... Я ничего не понимаю... Мне кажется, что я теряю рассудок...

Но Шиповник нежно взяла мужа за руки и задыхающимся от волнения голосом спросила:

— Нанак-Сангара, посмотри на мое лицо, которое сотарила жизнь, полная невзгод, и скажи, узнаешь ли ты меня?..

— Цвет Шиповника! Это ты? — воскликнул он, как бы внезапно пробудившись от сна. — А мой сын? Где мой сын?

— Разве не видел ты юношу, который ростом на целую голову ниже других воинов, но несмотря на это провозглашен самым великим из яванов? Это твой сын!..

— Мой сын, который должен был погибнуть согласно закону расы, — пробормотал вождь, вспомнив далекие видения прошлого.

— И который спасет нашу расу, — с гордостью прибавил Жаба.

Нанак-Сангара захотел немедленно увидеть своего сына и вместе с карликом отправился разыскивать его. Они нашли его в пещере Виссили-Рора в обществе вождя и старейшин, рассказывавших ему о бедственном положении расы и об угрожавших ей опасностях. При виде вождя племени с Сены собрание попросило его высказать свое мнение о событиях. Дарасева встал и, едва подавив овладевшее им волнение, медленно произнес:

— Я рад видеть тебя, отец. Мы жаждем услышать голос великого вождя.

Холодный прием сына, который рядом с его атлетической фигурой производил впечатление хилого ребенка, задел за живое надменного Нанак-Сангара. Он, казалось, за-

был, что он сам некогда заглушил в себе отцовские чувства, отдав своего сына во власть жестокого закона. Он нахмурился и молча отошел в сторону.

Много народа собралось у подножья холмов. Матери, несмотря на холодную погоду, принесли с собой малолетних детей, чтобы ясный взгляд избранника богов коснулся их лба. Селение с незапамятных времен не видало у себя такого скопления чужестранцев.

Народ радостными возгласами приветствовал появление героя, спускавшегося с холма в сопровождении вождя и старейшин. По приказу Куа, воины оттеснили толпу, запрудившую дорожку, огражденную рядом кольев. Великий вождь Виссили-Рора взмахнул жезлом и воцарилась мертвая тишина.

— Братья! — мягко и задуховно прозвучал голос Куа. — Я Жаба, сын Львиного Когтя, который в те времена, когда яваны еще властвовали над миром, был великим вождем. Братья! Скорбь наша смягчила сердца богов и к нам на помощь явился владыка молнии. Возрадуйтесь, яваны. Он принес вам оружие, благодаря которому вы станете непобедимой расой.

Он гордо размахивал в воздухе луком, сделанным Дарасевой во время их пути, и с жаром уверял присутствующих, что нет ничего проще изготовления этого волшебного оружия, которым к концу зимы будут вооружены все до единого воины.

— Я в пять дней научился метать молнии на расстояние в пять раз больше полета дротика, — несколько раз повторил он, обращая внимание толпы на это важное обстоятельство. — Но избранник богов научит вас метать их на расстояние еще в пять раз больше этого и ваши стрелы смогут пронзить рубашку, которую я повесил вон там на ветке... Видите?

Пораженная его словами толпа заволновалась и зашумела. Чей-то голос крикнул, что таких чудес не бывает. Взмахнув жезлом, вождь племени с Сены потребовал молчания.

— Пустыми разговорами мы не отвоюем наших долин у рыжеволосых пришельцев, — возмущенно сказал он. — Ты

издеваешься над нашими несчастьями, когда говоришь, что кремневое острие может пронзить повешенную на ветке шкуру...

За его словами последовал глухой ропот недоверчивой толпы. Но все мигом затихло, когда у частокола появился владыка молнии. В кругу рослых воинов он казался совсем ребенком.

Сбросив с себя буйволоный плащ, он поднял кверху свой лук, как будто приносил его в жертву солнцу. Когда он заговорил, голос его звучал торжественно и проникал в сердца слушателей:

— Яваны, — начал он. — Я Дарасева. Во мне воплотился дух расы, открывший мне тайну, благодаря которой наша раса завоюет мир. Как ветер быстро рассеивает туман, так и могущественное изобретение сотрет все ее горести.

Кончив, он положил стрелу на тетиву. Вдруг благоговеющее молчание толпы нарушил прорезавший воздух странный свист. Все глаза были устремлены на висевшую вдали шкуру, и внезапно толпа увидела, как она заколебалась под невидимым ударом. Второй выстрел, последовавший немедленно вслед за первым, прострелил шкуру насквозь.

Охваченная восторженным порывом, толпа уж не следила за третьим выстрелом. Преклонив перед Дарасевой колени, она дикими криками выражала свое ликование.

— Братья! — воскликнул Виссили-Рора, встав во весь рост рядом с миниатюрным стрелком. — Народился новый источник могущества — таинственная сила... Сила, недоступная глазу... Она возникла в голове человека... человека, который владеет всеми тайнами вещей...

Он тщетно искал подходящее слово для выражения своей мысли. Ему на помощь подоспел карлик.

— Сила разума, — громко крикнул он.

— Да, — повторил за ним Виссили-Рора, высоко взмахнув жезлом. — Народилась сила разума. Преклоним же перед ней колени, братья.

Склонив стан, он положил к ногам Новой Силы символ власти — жезл. Его примеру последовали все вожди племени. Толпа расступилась, пропустив вперед широкоплечую

фигуру Нанак-Сангара. Победив в себе остаток гордости, он пал на колени перед сыном, чье рождение он некогда проклял.

Четверо воинов подхватили на руки вождя вождей и подняли его над головами гигантов, чтобы весь ликующий народ мог лицезреть своего спасителя...

Глава XVI

Любовь и раса

Уже четыре месяца — со времени возвращения Дарасевы — оживленная работа кипела в пещере, где поселился Нанак-Сангара вместе с Цветом Шиповника. Женщины очищали кремневыми скребками кишки оленей и ланей. Другие изготавливали из них тетивы и сдавали их Нанак-Сангара, а тот, под руководством своего сына, проверял их прочность и упругость.

Все обитатели селения и соседних долин с величайшим усердием трудились над изготовлением волшебного оружия. Даже дети, и те обдирали с помощью кремневых скребков дерево для луков и стержни для стрел.

Лиласитэ, принеся как-то десяток изготовленных ею тетив, застала Таламару за работой у входа в пещеру. Она потрошила зайца мужу на обед. Поздоровавшись с девушкой, Таламара обратила внимание на ее печальное лицо.

— Что с тобой, маленькая Лиля? Поделись со мною твоим горем. Ведь я люблю тебя, как родную дочь.

Еще прошлой зимой Виссили-Рора обещал свою дочь в жены вождю племени с Гаронны. Лиласитэ удалось умолить отца отменить этот брак. Теперь, когда она была свободна, равнодушие Дарасевы ей казалось совершенно непонятным, и вместо того, чтобы радоваться желанной свободе, она еще больше загрустила.

— Он меня не любит... и не полюбит никогда, — всхлипывала девушка.

— Утри свои слезы, маленькая Лиля. Я знаю, что ты единственная на свете владеешь сердцем моего сына. Когда мы были у груандисов, он не раз вскакивал ночью и бормотал сквозь сон твое имя.

— Но почему же он избегает меня, почему он молчит, о, мать? Ведь мой отец ждет только одного слова, чтобы объявить о нашем обручении.

— Кто поймет душу моего сына? — ответила мать и гла-

за ее гордо заблестели. — Его мысли так возвышенны. Он иной, чем мы... Надо покориться... У него есть высокое предназначение и он посвятил ему всю жизнь.

— Нет! Нет! Я не хочу покориться! — в отчаянии воскликнула девушка.

К ним подошла Пивита, работавшая поблизости.

— Последуй моему примеру, Лила, — со смехом вмешалась она в разговор. — И я его любила раньше. Но теперь он меня пугает своим неподвижным взглядом. Он смотрит пристально, но глаза его не видят...

— О, мать! Я люблю его таким, как он есть, — просто-на-просто молодая девушка, прижимаясь к Таламаре. — Если он меня не любит, мне остается только умереть.

— Ни мне, ни тебе не быть его женой, — безжалостно сказала насмешница Пивита. — Но мы обе от этого не умрем. Вот, пусть мать тебе повторит, что он нам однажды сказал. Он говорит, что слабые и хилые не имеют права жениться, так как их негодное потомство приведет расу к упадку. Вот что...

— Ты лжешь! Замолчи! — накинулась на нее Лиласитэ. — Скажи, мать, ведь это неправда?..

Но Шиповник промолчала, склонив голову под сверкающим взором девушки. Из уст бедной девушки лились сетования. Она хулила и проклинала дух расы, который всецело овладел сердцем ее возлюбленного — и, опустившись на землю, она разразилась горькими рыданиями.

Да, Пивита была права. Дарасева телом и душой отдался делу спасения расы. Он поселился в уединенной пещере; туда к нему приходили вожди племени и старейшины селения, там он давал указания гонцам, которых рассылал к отдаленным племенам; там же он предавался глубоким размышлениям.

Ежедневно он посещал лесистую равнину, где уже обученные стрелки показывали новичкам, как обращаться с луком. Он посещал и другие селения, настойчиво призывая к работе мужчин и женщин; наблюдал за качеством дерева и кишок для тетивы, торопил изготовление луков и стрел. Он горел желанием скорее вооружить всех боеспо-

собных мужчин и повести их против рыжеволосых ганни.

Нередко приходилось ему слышать нетерпеливые вопросы охотников: когда же он, наконец, намерен изгнать рыжих ганни? Ведь лето подходит к концу. Часто жены беглецов бурно приставали к нему с вопросом: когда же он, наконец, вернет им их селения, опустошенные дикарями с Далекого Востока? Но Дарасева обладал удивительным умением рассеивать страхи и вновь зажигать в сердцах надежды. Его пыл будил в людях бодрость и заражал окружающих. Один вид юного вождя вселял в племя уверенность в мудрости его решений и народ спокойно подчинялся его власти.

На следующий день после избрания Дарасевы, группа охотников, предводительствуемая Куа, отправилась в страну груандисов. Они вскоре вернулись оттуда с большим запасом тисового дерева. Под наблюдением Дарасевы изготовление луков приняло более организованный характер. Как только воин научался владеть оружием, юный вождь посылал его в леса, где он упражнялся, стреляя в оленей, лошадей и буйволов. Таким образом воины быстро осваивались с новым способом ведения войны, убеждались собственными глазами в страшной силе оружия и вместе с тем снабжали селение дичью.

Несмотря на то, что население сильно возросло со времени прихода беглецов — мяса было теперь в изобилии. Сытые желудки были наилучшим средством от упадка духа. Стоило какому-нибудь панически настроенному беглецу распространить слух о приближении неприятеля, как все находили, что это к лучшему: меньше придется ходить, чтобы столкнуться с врагом и наголову разбить его.

В середине лета войско яванов было в полной боевой готовности. Тысяча отборных воинов, вооруженных луками и стрелами, готовы были выступить в поход. За ними должен был следовать вспомогательный отряд из нескольких сот молодых охотников. Они должны были нести запасы копченого мяса.

Когда все было готово, Дарасева стал проявлять нетерпение. Он ожидал лишь возвращения Куа и двадцати стрел-

ков, посланных на разведку, чтобы обеспечить народу блестящую победу над врагом.

Наконец, с наблюдательных постов затрубили в рога, оповещая жителей о приближении разведчиков. Дарасева и старейшины вышли им навстречу и остановились у пещеры таинств.

Показался отряд. Впереди шел карлик, покрытый грязью, голодный и усталый, но сохранивший тем не менее свое прекрасное расположение духа. Несмотря на серьезность момента, его рассказ о встрече с неприятелем вызвал всеобщий смех.

После пятнадцатидневного пути, он наткнулся на стоянку, где пировала целая орда дикарей. При виде их он был не в силах устоять перед желанием испытать на них ловкость своих воинов, спрятавшихся в кустах. В воздухе, одна за другой, свистят стрелы.

Первая жертва не производит никакого впечатления, а, наоборот, вызывает даже хохот товарищей, уверенных, что убитый просто выпил слишком много меда. Но когда вслед за первым падает второй, смех умолкает. Когда же третий валится замертво — дикари начинают почесывать свои взлохмаченные головы и перекидываться недоуменными взглядами. При четвертом они быстро встают. Смерть, падающая с неба, как дождь, вызывает у них панический ужас. Предсмертное хрипение пятого обращает их в бегство.

Когда Куа кончил свой рассказ, его поздравили с благополучным возвращением отряда без всяких потерь, на что он притворно-сердитым голосом возразил:

— Я привел свой отряд в целости... нет... Вы мне доверили двадцать голов, а я вам привел вдвое больше.

Народ завыл от восторга, когда он стал вынимать из мешка кровавые трофеи. Жены беглецов стали выхватывать друг у друга отрубленные головы, наносить им удары и поносить их.

По приказу юного вождя, двадцать голов ганни были воткнуты на палки. Их носили из пещеры в пещеру, чтобы оповестить яванов, что близок час возмездия: скоро лук принесет им победу над врагом.

Жрецы назначили день, благоприятный для выступления в поход. Войско тронулось в путь под восторженные клики народа. Лица женщин, провожавших мужей и женихов, сияли от гордости. Цвет Шиповника со счастливой улыбкой на губах повесила на шею Нанак-Сангара талисман: львиный зуб с магическим изображением, который должен был предохранять вождя от всех опасностей.

Одна Лиласитэ грустно держалась в стороне. Ее грустный вид тронул Дарасеву. Он вынул цветок ромашки, вплетенный в ее косы, и сказал ласково и серьезно:

— Дай мне на память этот цветок, подруга. Он, как талисман, будет оберегать меня в походе...

План юного вождя состоял в том, чтобы одним ударом обрушиться на неприятеля и сразу сокрушить его. Этот прием, вместо бесконечных вылазок и стычек, практиковавшихся до сих пор, должен был в несколько часов решить исход борьбы.

С незапамятных времен не было видано такого скопления воинов. Вследствие отсутствия у примитивных рас перевозочных средств, войска их маленькими отрядами медленно шли навстречу неприятелю. Дичь являлась во время похода единственным источником пропитания и охота сильно замедляла продвижение вперед.

Новый же способ, введенный Дарасевой, сразу уничтожил эти неудобства. Запасов мяса, которые нес вспомогательный отряд, могло хватить для прокормления войска больше, чем на месяц.

С другой стороны, лук сразу вытеснил тяжеловесные кремневые топоры и обременявшие воинов неуклюжие копья.

Войско быстрым шагом шло вперед и в десять дней достигло стоянки, где гиены и шакалы уже успели обглодать кости павших от стрел Куа и его охотников ганни.

Наутро передовой отряд из двадцати воинов под предводительством Виссили-Рора наткнулся на целую орду рыжеволосых ганни, бесстрашно вступивших в бой с яванами.

В то время как они метали свои жалкие дротики, стрелы яванов настигали их на расстоянии от ста до двухсот

шагов.

Земля оросилась потоками человеческой крови. В пещерах тоже происходила кровавая бойня: молодые воины не пощадили ни женщин, ни детей.

Пять дней спустя произошел решительный бой. С незапамятных времен на лесистых холмах, которые сдавливают русло Марны и заставляют реку делать ряд излучин, находились восемь селений. Со времени изгнания яванов дикари заняли все эти подземные гrotы и пещеры.

На заре войско вплавь переправилось через Сену. Нанак-Сангара и его воинам, для которых это была родная страна, поручено было занять самый высокий холм; остальные стрелки спрятались в кустах на левом берегу реки, против густо населенных пещер.

На восходе солнца вспомогательный отряд внезапно выскочил из кустов. Громко вызывая ганни на бой и размахивая топорами и дротиками, он пошел вдоль левого берега.

Звуки рогов предупредили ганни о битве и они целой громадой вышли навстречу яванам. Те, симулируя беспорядочное бегство, старались привлечь дикарей поближе, так, чтобы их могли настичь стрелы охотников.

Внезапно на войска ганни посыпался смертоносный дождь. Раненые и убитые смешались в одну кучу, обогривая землю своей кровью. Дикари в смятении карабкались по склонам гор, но их оттуда оттеснили, сильно опустошив их ряды, войска Нанака-Сангара. Тогда они попытались укрыться в густой чаще, но там наткнулись на сидевший в засаде вспомогательный отряд и были перебиты топорами.

Меньше чем за час битва была окончена. Все племя ганни, не исключая женщин и детей, было истреблено до последнего. Уцелевшие убежали далеко на восток, наводя на всех трепет одним именем яванов. То было время, когда одно-единственное сражение решало судьбы целых народов.

Прошло несколько месяцев со времени победы, освободившей народ от нависшей над ним угрозы. Возвращение воинов было отпраздновано достойным образом — большим количеством еды и обильными возлияниями.

Наконец, настало время, когда Нанак-Сангара с женой и карликом собрались вернуться к извилистым берегам Марны. Их торопило истосковавшееся по своей родине племя. Но Шиповник каждый раз придумывала какой-нибудь предлог, чтобы отсрочить минуту выступления в путь. Ее сокровенной мечтой было взять с собой в родные долины сына, единственную цель всей ее жизни. Тем не менее, он восставал против этой безрассудной мечты.

Спаситель расы не принадлежал самому себе. Он был всецело во власти своей высокой задачи. Общие опасности и победы объединили племена, жившие до этого совершенно обособленно друг от друга. Отныне они поняли, что им необходимо объединиться. Вождем над всеми племенами был избран Дарасева.

Но возвышение сына перестало радовать Цвет Шиповника и наполнять гордостью ее материнское сердце. Вновь став нежной супругой прежних дней, она убедилась, что без любви не бывает счастья. Ласково старалась она внушить сыну свое глубокое убеждение. Ей бы хотелось, чтобы он меньше витал в облаках, больше соприкасался с действительной жизнью и испытал счастье любви и радость отцовства. На все ее увещевания он ограничивался ответом, что его жизнь всецело принадлежит расе.

Накануне дня разлуки мать с горечью думала, что боги не вняли ее мольбам. Она покидает сына одиноким, нет возле него женщины, которой бы она могла передать всю свою глубокую нежность и любовь к нему.

— Шиповник, подойди-ка сюда. Ты будешь поражена, — прервал Куа ее мысли.

Глаза его лукаво искрились и он увлек ее за собой.

— Скорей. Скорей, — торопил он ее. — Знаешь, когда я проходил мимо пещеры... Да иди же скорее... Еще минута — и ты убедишься, что тебе еще суждено стать бабушкой.

Едва удерживаясь от смеха, он сделал знак матери спрятаться у входа в пещеру, откуда раздавался взволнованный женский голос:

— Великий вождь! Когда ты говоришь, что ты должен покориться закону расы и выступаешь доводом то, что остальные мужчины на целую голову ростом выше тебя и что поэтому ты не имеешь права производить на свет потомство, чтобы не уронить красоту расы, — ты этим оскорбляешь богов, наделивших тебя своим божественным гением.

Тут голос Лиласитэ зазвучал тише и нежнее и перешел в нежный шепот.

— Дай мне преклонить мою усталую голову к тебе на грудь, друг мой. Дай мне укрыться в твоих объятиях. Твои дети, Дарасева, унаследуют от тебя разум, который гораздо выше грубой физической силы.

Наклонившись, мать увидела, как Дарасева заключил девушку в свои объятия. Лица возлюбленных горели огнем счастья и губы их слились в долгом безмолвном поцелуе.

Мысленно воздав хвалу богам, Шиповник поманила рукой своего верного друга и легкой поступью удалилась от пещеры.

Роман «Тайна жизни» (*Les fiancées du soleil*) вышел в свет в Париже в 1923 г.

Русский перевод публикуется по первоизданию (Л.; М.: Книга, [1927]). Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам; также исправлены отдельные устаревшие обороты.

В оформлении обложки использована работа В. Васнецова.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.